

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЗАПИСКИ

Журнал русской литературы

КНИГА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений СТЕПАНОВ. **От редакции** 3

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Иосиф РУХОВИЧ. **И верю, и люблю.** Стихотворения 4

Евгений СТЕПАНОВ. **Два стихотворения.** 6

Владимир НИКОЛАЕВ. **Рассказы из книги «Dostoevsky FM».** 7

Алексей РОЗЕНБЕРГ. **Три рассказа** 18

ИНТЕРВЬЮ

Юрий ПОЛЯКОВ: «Россия еще со времен подъема Московии выступала как субъект мировой политики!» *Беседу вел Евгений СТЕПАНОВ.* 21

ШТУДИИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. **Истинная жизнь человека... (к 200-летию Л. Н. Толстого)** 26

Фёдор МАЛЬЦЕВ. **Художественный язык Иосифа Руховича** 41

КРИТИКА

Елена ТКАЧЕВСКАЯ. **Услышанное двухголосие.** *Отклик на книги Елены Павловой «Мираж» и Ирены Санс «Октавианский канон»* 45

Коротко об авторах 49

июнь, 2026

ЖУРНАЛ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬ
ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ
«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»
(Генеральный директор Евгений СТЕПАНОВ)

Главный редактор
Евгений СТЕПАНОВ

Редакция
Ольга ЕФИМОВА
Максим ЖУКОВ

Компьютерная верстка
Ирина РАКИТИНА

Контакты
Бизнес-центр «Калейдоскоп»
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводский проезд,
д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Редакция журнала «Зарубежные записки»
Степанову Евгению Викторовичу
Тел. в Москве: (495) 978 62 75
Сайт журнала: <http://z-zapiski.ru>
Эл. адрес редакции: stepanovev@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И ПИСАТЕЛИ!

Мы продолжаем работать.
И я рад, что у нас увеличилась подписка.
Значит, мы на правильном пути.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

Иосиф РУХОВИЧ

И ВЕРЮ, И ЛЮБЛЮ

* * *

Зима на убыль, но весны
Приметы еле различимы,
И лишь в глазах твоих видны
Огонь и блеск неистоимый.

И радость жизни вновь и вновь
Мое охватывает тело...

Оно порядком постарело,
Но в нем еще горит любовь!

ВОСЬМОЕ МАРТА

Вдруг круг тяжелых зимних туч
Распался,
И, улыбаясь, синий луч
Прорвался
И землю одарил теплом
И светом,
И лег на мрачный снег со льдом
Запретом...
От крыш прозрачный вьется дым
Коленцем,
Выходит женщина с грудным
Младенцем.

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Пусть март еще сырой
 стоит в снегу по пояс,
Пусть Солнце не пробьет
 сплошную пелену,
Но темная вода,
 в ручьях упорно роясь,
Лишая зиму сил,
 течет уже в весну.

И женщины Земли —
 вот главная примета! —
Готовы расцвести
 в расстегнутых мехах.
И столько в них тепла,
 желания и света!
Любви и нежности
 в распахнутых зрачках!

И я уже иду
 открыто им навстречу,
И искорки огня
 во взглядах их ловлю.
И кажется в пылу,
 что каждой я отмечен!
И вновь приемлю мир,
 и верю, и люблю!

ЖИТЬ!

Ветер ожившие ветви тревожит,
Кроны высокие гнет и кружит.
Почки набухшие лезут из кожи,
Словно спешат распахнуться и жить.

Что ж... Даже если весна запоздала,
Вдоволь набраться тепла не пришлось,
Жизнь коротка — опоздаешь с началом,
Может и дальше пойти вкривь и вкось.

С детства я драму весны наблюдаю:
Если сменяют тепло холода,
Почки, чуть треснувшие, — опадают,
Листья раскрывшиеся — никогда.

ПЛАЧ

Кто-то подрезал березу
И подвязал бутылек...
Жаждет березовы слезы
Законсервировать впрок.

Сказано — от всех болезней!
Жизни прибавится лет.
Да и березе полезней,
Ей это, мол, не во вред.

Знаю — от жизненной прозы
Я даже в лес не сбегу,
Но на березовы слезы
Все же смотреть не могу.

Евгений СТЕПАНОВ

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

СЕНТЯБРЬ В ПОСЕЛКЕ

Я живу и радуюсь в Быково,
Урожай осенний собирая.
Как сказала Надя Кондакова:
— Дачный сад и есть преддверье Рая.

Я живу и радуюсь: сморода
Уродилась, и набухли груши.
Лечит подмосковная природа
Даже искалеченные души.

Кот похож на сонную тетерю.
Белка по ветвям бежит рисково...
Я живу и радуюсь, и верю,
Что в Раю не хуже, чем в Быково.

2025

ИЗДАТЕЛИ И ПИСАТЕЛИ В ОДНОЙ ДАЛЕКОЙ СТРАНЕ

Тяжело быть издателем.
Тяжело быть писателем.

Издателей в тюрьмы швыряют.
Писателей тоже шпыняют.

И тех, и других часто клеймят позором.
Хорошо, наверное, быть прокурором.

Прокуроров боятся и не обижают.
Впрочем, и прокуроров тоже сажают.

2026

РАССКАЗЫ ИЗ КНИГИ «DOSTOEVSKY FM»

«DOSTOEVSKY FM»

Люблю отдыхать с богатыми.

Начинается все благочинно. А не сходить ли вместе в театр?

Ну, а что? В театре ведь как в бане — все равны.

А уж после представления можно и блеснуть образованием. Растолковать символику режиссера, задачу и сверхзадачу. Хорошо еще личную жизнь актрисы обсудить. Дескать, очень талантливая, но вот — одинокая. Повздыхать притворно...

Писатель тот вообще! Расстрел и каторга! Три жены...

Все это уже под хорошее вино, ну или виски там, куда зашли после театра.

Богатый этот, оказывается, отличный парень, и жена его тоже из Фрязина.

Потом, правда, рядом оказывается другой богатый. Ну, сел случайно рядом с первым. Они как-то быстро начинают говорить о своем. На им понятном языке. Ну, йена, типа, просела. Достают мобильники и начинают что-то считать. А потом тот, который быстрее посчитал, показывает результат, и оба счастливы смеются.

Потом кто-нибудь из компании робко предлагает «закрыть счет», но оказывается, что главный уже все закрыл, дескать, какие пустяки! А ты понимаешь, что на эти «пустяки» нужно корпеть целый месяц в своем издательстве, где ты, в общем-то, не последний человек. Но не сейчас.

Сейчас ты можешь засунуть два своих высших образования и один редкий язык прямо... Да, они и так там.

Наутро шлешь SMS и благодаришь за чудесный вечер. Но ответа нет, потому что уже понедельник. Надо, господа, дело делать!

Там у них в хрустальной призме мало воздуха и время густое. Вот потому им иногда хочется спуститься вниз, к добрым нашим лицам. Выдохнуть, так сказать. Похлопать снисходительно по плечу.

— Ну что, брат Пушкин?

— Да так, брат, — отвечает, — так как-то всё...

ДЕНЬ ПИОНЕРИИ

19 мая для меня — это День рождения пионерской организации! Поздравляю всех пионеров! Нынешних и прошлых.

Для пионера утро начиналось с того, что нужно было погладить пионерский галстук. Я тоже смачивал его под краном, потом гладил горячим утюгом. Пока завтракал, галстук висел на спинке стула, высыхал. Потом завязывал, не глядя, в три движения.

В школьном автобусе мы все в алых галстуках, кроме мелюзги октябрят. Едем мимо горчичного поля из военного городка в город.

Советские классы занимали два этажа старинной гимназии, два других были отданы немецкой школе.

Галстуки берегли. Не дай бог порвать или запачкать чернилами! После школы снимали.

Мы учились в ГДР в одном здании с пионерами-тельмановцами, но никогда не пересекались на переменах. Уроки начинались и заканчивались в разное время.

Когда автобус опаздывал, на крыльцо высыпали немцы в синих галстуках и получали залп снежками. В ответ — нестройные броски, и вот уже завязывалась нешуточная перестрелка, которая всегда заканчивалась рукопашной. Из рядов несло: «Гитлер капут!» и «Russische Schweine!». Пацаны яростно доигрывали ту войну.

Война отгремела не так давно, каких-то двадцать лет назад. В каждой русской семье кто-то воевал, в каждой немецкой тоже. А если не воевал по малолетству, то состоял в Гитлерюгенд.

Was man in Hitlerjugend gelernt hat, ist immer bei dir! / Чему тебя учили в Гитлерюгенд, навсегда с тобой!

ПОЛУБОКС

Военный городок находился в старом дубовом лесу с папоротниками в рост ребенка. Раньше там располагались артиллерийские склады абвера, теперь служили наши отцы.

Пытливые пацаны пролезали везде в поисках сокровищ и артиллерийского пороха. Сокровища не попадались, а порох добывали у солдат-свинарей, выменивая его на значки воинской доблести — «Воин-спортсмен» и «Классный специалист». Особенно ценились знаки «Гвардия». К законному дембелю каждый солдат добывал полную грудь значков и дембельский альбом, разумеется.

Макаронины артиллерийского пороха разрезали на сантиметровые куски, заворачивали в фольгу — и вот, маленькая ракета готова. Ракетка разогревалась на спичке и взрывалась в воздух, оставляя после себя едкий дым и возторг публики.

Рядом с военным городком за двумя рядами колючей проволоки начиналось поле, а через пару километров — немецкая деревня Altenhain/Старая Роща.

Наши мамы иногда ходили к садовнику Альберту. Теплицы Альбера стояли на пригорке на краю деревни. У него круглый год можно было купить цветущие флоксы. Альберт носил солдатскую кепку и неохотно расставался со своими цветами. Про него говорили, что он воевал.

Утром перед службой отец иногда возил меня в парикмахерскую. Как парикмахер узнавал о нашем визите — оставалось тайной, но он неизменно

встречал отца на пороге, руки по швам белоснежной курточки: «Guten Tag, Herr oberst!»

Отца долго и тщательно брил, что-то даже напевая. Потом ставил дощечку на ручки кресла, начинался мой черед. Отец давал пять марок и уезжал, оставляя нас наедине. Парикмахер, не спеша, старательно выводил машинкой по моей цыплячьей шее. Я сидел, не шелохнувшись, боясь даже дышать.

После того, как каждый волосок на моей белобрысой голове становился нужной длины и на своем месте, парикмахер обдавал прическу душной струей одеколона. На меня в зеркало смотрел образцовый мальчик-гитлерюгенд первой ступени.

На ватных ногах съезжал с кресла, протягивал немцу потную монету и бежал оттуда. Бежал без остановки в военный городок по узкой нагретой солнцем дороге, через поле цветущей горчицы, мимо теплиц Альберта, мимо осколков гипсового орла в траве. Солдаты на КПП меня узнавали и молча пропускали домой.

Вечером приходил отец, довольно взъерошивал прическу: «Полубокс!», ставя точку всем моим утренним страхам.

КИЕВСКИЙ ТОРТ

Киев встретил неласково, накрапывал дождь. Прямо на перроне стояла черная «Волга». Рядом с авто, вглядываясь в подплывающий поезд, кружил похожий на боксера высокий парень в кожаном плаще.

Такой встречи, признаться, Андрей не ожидал. Представителей туриндустрии везде принимали неплохо, но чтобы вот так — катер к трапу — такого раньше не было.

Пока ехали в отель, распогодилось, вышло солнце, и промытый Подол засиял в бело-розовой пене каштанов.

Каждый день на выставке начинался примерно одинаково. Андрей заходил на московский стенд, раскладывал проспекты, затем отправлялся гулять по выставке. Гулять было необходимо, чтобы не попасть на глаза хозяину выставки — Николаю Васильевичу Грицыку — начальнику отельного та коммунального господарства.

Встречи, однако, происходили. Николай Васильевич крепко брал гостя за пуговицу и сурово произносил: «Андрей Михайлович, есть разговор».

Потом плечом к плечу они заходили в укромное место, где уже был накрыт стол с неизменной бутылкой горилки. После первой рюмки Николай Васильевич багровел широким лицом и влажнел очами. Разговор шел о том о сем, на самом деле — ни о чем.

Пить водку с утра Андрей был совершенно не расположен, но долг гостеприимства обязывал. Вечером добирался до гостиницы и падал в кровать. Очень хотелось погулять, посмотреть столицу, но катастрофически не хватало времени.

Неделя пролетела незаметно. В завершающий день выставки Николай Васильевич изменил обычной манере и пригласил московского гостя в свое логово. На черном авто они подкатили к кирпичному особнячку. По красным обкомовским дорожкам прошли в столовую «для своих» с надежными дубовыми столами.

Такого борща, признаться, Андрей в жизни не пробовал! Один только запах настойчиво взывал махнуть по рюмашке. Первый тост хозяина показался

философским: «Щоб частка наша нас не цуралася!» / Чтобы доля наша нас не чуралась!

— Как вам у нас? — деликатно поинтересовался Николай Васильевич.

— Нигде так не встречали! — искренне закивал Андрей, водка привычно согревала. — До поезда успею купить киевский торт? — он еще надеялся поскорее закончить randevu.

— Зачем же беспокоиться? — Николай Васильевич кивнул боксеру. Через несколько минут тот вернулся, держа за ленточку круглую коробку со знаменитым тортом.

Пора было прощаться. Андрей стал цветисто благодарить. Николай Васильевич деликатно промокнул остатки борща пампушкой и задумчиво молвил:

— Зря мы вам ядерное оружие отдали...

Андрей прямо оторопел.

— Николай Васильевич, вам-то зачем?!

— Та щоб уважали...

На вокзал примчались впритык, поезд плавно отходил. Дорогого гостя бережно посадили в вагон. В тамбуре переминалась румяная проводница. На подносе с рушником чистой слезой блестела рюмка горилки.

Москва — Киев, 2006 г.

ЗА ОДЕССУ

Сидели с друзьями в ресторане «Одесса Мама» на Шаболовской. Ели вкусную тюльку, запивали пивом.

Заиграл баян. Пожилой музыкант выводил: *«Ты одессит, Мишка, а это значит, / что не страшны тебе ни горе, ни бедааа. / Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет. / И не теряет бодрость духа никогда...»*

Мы тоже аккуратно запели. Публика удивленно слушала, хотя раньше эту песню знали многие.

Это ведь про то, как в начале войны Красная Армия без боя ушла из Одессы.

В августе 1941 года фрицы проломились к Одессе. Перед армией и флотом нависла угроза уничтожения. Тогда Ставка приняла единственно верное решение — оставить город, но сохранить войска.

«Хотелось лечь, прикрыть бы телом / родные камни мостовой. / Впервые плакать захотелось...». Злобно плакали морячки — с воздуха утешило люфтваффе, а посуху зажали румыны.

Когда наши ночью ушли морем, румынские генералы не могли поверить и больше суток боялись зайти в Одессу.

Однако зашли. С согласия фюрера немецкого народа учредили губернаторство «Транснистрия». Местные жители побежали в румынскую контрразведку — сигуранцу, доносить на соседей, а заодно доложить про бывшее здание НКВД на улице Энгельса, дескать, нехорошее место. Обалдев от доносов, сигуранца перестала пускать стукачей. В центре города повесили ящички наподобие почтовых — для информирования новых властей.

А что Одесса? Одесса зажила своей жизнью. Новые власти разрешили торговлю и свободный рынок. Кому-то, говорят, даже вернули отнятую большевиками лавку. Загомонил Привоз, открылись магазины, рестораны, кабаре, Оперный театр.

В Одессе, в отличие, скажем, от Харькова, было-таки что выпить и чем закусить. Румыны, как истинные арийцы, доказывали свое расовое превосходство.

Начались облавы на евреев и коммунистов. За время румынского *dominare* / владычества расстреляли каждого четвертого одессита.

Вот только бывшее здание НКВД на улице Энгельса, действительно, оказалось плохим. Ровно через неделю после захвата города радиомина в подвале дома, где по-хозяйски разместились румынская комендатура, штаб, сигуранца и немецкое гестапо, была приведена в действие... Ахнуло, мама не горюй!

Одессу освободили в апреле 1944 года. наших солдат тогда полегло много и морячков тоже. Ну тех, «*ты одессит, Мишка*».

Вот румыны — это ж другое дело! Вместе с вермахтом гордые потомки римлян дошли до Сталинграда. Когда фрицев погнали, резко одумались и стали воевать теперь уже с бывшими союзниками.

Румынский король Михай I, кстати, получил советский Орден Победы, весь усыпанный бриллиантами. Говорили, что Михай даже вступил в комсомол. Однако это не уберегло монарха, и он отправился в эмиграцию со всеми детьми, прислугой, поваром и собаками.

Румынией стали руководить коммунисты. До того момента, когда озверевшая толпа повесила вверх ногами Чаушеску и его жену Елену на стадионе в Бухаресте.

Король Михай через пятьдесят лет вернулся и получил обратно все свои дворцы, леса и виноградники.

Что хочется сказать за Одессу?

Был в этом теплом городе один-единственный раз еще школьником. Помню запах моря, бички на Привозе...

Баянист закончил выступление: «*Но с каждой весной так тянет меня в мой солнечный, радостный город. В Одессу — мой солнечный город...*».

Увидимся, дорогая.

ГОРОД ЗОЛОТОЙ

*«...Под небом голубым есть Город Золотой
С прозрачными воротами и яркою звездой.
А в городе том сад, все травы да цветы,
Гуляют там животные невиданной красоты.
Одно, как желтый огнегривый лев,
Другое вол, исполненный очей,
С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый...»*

(Анри Волохонский)

В начале 90-х годов пятьдесят бойцов под командованием командира бригады спецназа полковника К десантировались на остров Арал-Пайгамбар — Остров Пророка — в русле реки Амударья, чтобы по приказу президента Узбекистана зачистить остров от вторгшихся из Афганистана диверсантов и террористов.

Штурм был организован по лучшим образцам военной науки. Сначала над островом на бреющем полете прошли два МИГа, бомбя и стреляя из всех видов оружия. Затем минометная батарея прилежно утюжила островок. Потом на быстрых моторках подлетели спецназовцы. Одна группа высадилась в западной части острова, другая возле пристани с целью блокировки бегства противника.

Вместо вооруженных до зубов «духов» спецы наткнулись на палаточно-шалашный лагерь и обнаружили, что пристань завалена штабелями дров. Перепуганные нарушители границы энергично махали поднятыми руками.

Удивительно, но во время операции по захвату острова никого не убили, даже не ранили. К исходу дня было задержано восемнадцать афганцев, которые и были переданы в пограничную комендатуру. В качестве трофеев десанникам достались пилы, топоры, мотыги, четыре осла, лошадь и бычок, которого не успели съесть лесорубы.

Теперь немного истории. Остров, как сказано выше, назывался Остров Пророка. В древнем полуразвалившемся мавзолее там покоится прах исламского святого Зуль-Кифль, или ветхозаветного пророка Иезекииля.

Того самого Иезекииля, еврейского священника, жившего в первой половине шестого века до Рождества Христова и проповедовавшего среди иудеев, уведенных в Вавилон царем Навуходоносором! Однажды, по преданию, он пролежал больше года рядом с необожженным кирпичом, намекая на осаду Израиля вавилонским войском, что в результате и произошло.

А тут, вместо ветхозаветного покоя и уединения на островке, такая стрельба и кутерьма!

Пройдет много времени — и отставной полковник К, после неудавшегося покушения на Анатолия Ч, получит срок и проведет в тюрьме долгих одиннадцать лет.

Анатолий Ч сбежит из страны, по самым скромным подсчетам, прихватив около миллиарда рублей.

А тогда получается, что товарищ К справедливо покушался на Приватизатора Всея Руси, но дух Иезекииля отвел от него пули, рассердившись на беспокоившего его прах полковника?

Ветераны чирчикской бригады рассказывали, как президент Узбекистана приказал расстрелять пойманных афганцев прямо на острове. Однако полковник К твердо послал национального лидера, потеряв должность комбрига.

Однако никто во всей этой удивительной истории не лишился жизни. Такова была воля пророка, увидевшего Город Золотой?

БРИТАНСКИЙ СЛЕД

Попробуем разобраться в истории, ставшей прологом Великой русской революции.

Речь пойдет о смерти Григория Распутина. Казалось бы, что нового можно рассказать о политическом убийстве друга царской семьи, превратившемся в сюжет десятков сериалов, кинофильмов, комиксов, мюзикла и популярной песенки группы Boney M: «Ra-ra, Rasputin, russia's greatest love machine»?

Впервые попал в Юсуповский дворец на Мойке прошлым летом. Аудиогид любезно водил по верхнему дворцу — золото, хрусталь, много света, безупречный интерьер и вкус в каждой детали. В это зеркало смотрелся Пушкин!

После великолепия дворца апартаменты Феликса Юсупова-младшего обескураживают. Кстати, он совсем не Юсупов. Его фамилия при рождении — Эльстон-Сумароков. Юсуповым и князем он стал двух лет от роду за заслуги отца — московского генерал-губернатора.

Квартирка Феликса располагается в левом крыле и занимает первый этаж и подвал с отдельным выходом на набережную Мойки и проходом во внутренний двор. Тут реализовано множество причуд, соответствовавших характеру молодого князя: потайные дверцы, винтовые лестницы и подвальные казематы.

Архитектор Николай Бенуа, посетивший апартаменты Юсупова «в английском стиле», заметил: «Ну и нафантазировали же вы здесь, батенька... Вот увидите, что-нибудь да произойдет здесь».

Манекены исторической реконструкции в подвале, где произошло убийство, вызывают умиление своей ненатуральностью и восковым румянцем. Впрочем, и текст аудиогuida не потрясает — в сущности, воспроизводится общепринятая версия убийства, в основе которой воспоминания заговорщиков: Феликса Юсупова и депутата Госдумы Владимира Пуришкевича, повторяющие друг друга.

Пора, однако, и выходить на свет божий из гнездышка Феликса Феликсовича, явно страдавшего каким-то душевным расстройством. Экскурсия ведет вверх по ступеням прямоком в налитую июньским солнцем кухню княжеской семейки. Тут совсем другое дело — медные сковороды сияют, чугунная плита пышет и вкусно пахнет пирогами.

Отличный, заметим, маркетинговый ход — кто устоит и не закусит «княжеским» борщом с грибным пирожком? Вот и я не устоял.

Рослый парень в фартуке принял заказ и, услышав финал экскурсии в моем телефоне, пробурчал: «Не так все было». Ну, что за город! В Питере даже буфетчики в курсе того, что здесь происходило сто лет назад! Пришлось оторваться от борща.

— А как?

— Вы бы книжечку почитали. Как раз на выходе продается.

Ох, ну понятно. Лишняя копейка музею сейчас совсем не помешает. Посетители в ковидный год валом не валят. Молодцы все-таки питерцы! Вот так интеллигентно предлагают свою полиграфию доверчивым туристам.

Уже в поезде открыл книжицу в мягком переплете с претенциозным названием «Григорий Распутин. Реквием: Русская трагедия сквозь ложь и мифы». Каюсь, до Москвы полностью не дочитал. Это же не роман, а серьезная научная монография, прямо напичканная документами и ссылками. Но и того, что узнал, хватило с лихвой.

Главное, стало понятно — среди восковых двойников не хватает одной фигуры. Близкого друга Юсупова по Оксфордскому университету — Освальда Райнера. В ту злополучную ночь именно Райнер, кадровый сотрудник британской разведки, сделал контрольный выстрел в голову Распутину, уже мертвому.

Многочисленные увечья на теле, беспристрастно описанные русским врачом-криминалистом Дмитрием Косоротовым, свидетельствуют, что перед смертью Распутина жестоко пытали.

Главным действующим лицом этого преступления был английский шпион, целью которого было получить от ценного источника свидетельства сепаратного мира России с Германией. А тогда получается, что все «мистические детали» феноменальной живучести старца, красочно описанные в книге Феликса Юсупова, попросту — ложь. Никто не травил Распутина ядом, как того хотели великосветские заговорщики. Вся эта мизансцена с одеванием резиновых перчаток и подсыпанием якобы цианистого калия в вино и печенье — не более чем постановка, рассчитанная на великого князя Дмитрия, не желавшего мять руки.

Не для того Райнер в солдатской форме приехал ночью во дворец на Мойке, чтобы получить труп Распутина. Ему пришлось повозиться в подвале с упрямым русским, пока аристократы выпивали в верхних комнатах. И с британским педантизмом завершить дело выстрелом в голову из служебного револьвера 455 Webley.

Ничего не напоминает? Постоянное стремление британской короны напасть, и желательно чужими руками, а потом трубить о «кровавых жертвах». Список русских жертв обычно и начинают с Григория Распутина, чье имя давно стало мемом в западном сознании.

Распутин попал в жернова Большой политики. Верно — имел большую силу, кровь останавливал. Широко жил Григорий Ефимович, погиб безвинно. В пытках и муках за государевы секреты, которые, похоже, и не знал вовсе.

АРМИГЕР АБАТУРОВ, ИЛИ СЕКРЕТ ГВОЗДИКИ

С парковкой повезло. Между машин во дворе обнаружился небольшой промежуток, и я начал осторожно втискивать туда зад авто, но тут увидел, что сзади на бордюре уютно расположился бомж при шляпе.

Абориген пристроил на гранит шкалик водки и пластиковый стаканчик. Ломать этот милый пикник не хотелось, но и другого места поблизости не наблюдалось. Пришлось выйти из машины.

— Уважаемый! А вы не могли бы пересесть?

Человечек молча пересел. Я отнес сумки с яблоками. В этом году яблони выдали небывалый урожай своих неказистых плодов, их надо было пристраивать знакомым. Открыл окно в авто, стал аккуратно трогаться. Тут у окошка нарисовалась фигурка в шляпе.

— Позвольте прикурить?

— Да я не курю.

Поехал дальше, и тут меня осенило. Это же Юра Абатуров! Притормозил, взглянув в зеркало заднего вида, но сзади никого уже не было.

...Юра пришел в кадровый департамент как-то незаметно. За свободным столом появилась сутулая фигура нового сотрудника, увлеченно рисующего что-то тонким чертежным перышком. На обед новый работник не ходил, вообще не отличался особой коммуникабельностью. Приходил на службу вовремя, уходил незаметно.

Вскоре, однако, обнаружили удивительные способности Юры. Он, например, мог расписаться за любого начальника, да так, что тот узнавал свою подпись. Такой дар высоко ценился в бумажной работе. Можно было вовремя заменить ошибочный, но уже завизированный листок в приказе или представлении. К Юре потянулись ходоки из других отделов с добрыми лицами и алкогольными презентами.

Юра в помощи не отказывал, но бутылки не брал с виноватой улыбкой. Дескать, не пью, ребята.

Главной страстью Юры была геральдика. Он подрабатывал «родовыми гербами» для всех желающих. Причем делал это с полным знанием дела, выяснив все детали родословной будущего гербоносца. С гордостью сообщал, что является аккредитованным армигером — человеком, имеющим право создавать гербы.

Так и пошло: «Армигер Абатуров». По ходу дела выяснилось, что Юра успел нарисовать всю современную армейскую символику. Все эти орлы на тульях и прочее.

Юрий великолепно знал историю и мог, например, с ходу перечислить — кто из литовцев примкнул к войску Дмитрия Донского, а какие русские князья бились за Мамаю. Очень горевал за утраченную красную звездочку. Но тут Юра применил военную хитрость.

Когда к нему обратились спецназовцы, то он предложил вместо летучей мыши, напоминающей американского Бэтмена, красную гвоздику. Фокус был в том, что Юра просто разъял, как пазл, любимую красную звездочку и сложил ее острыми концами. Получилась гвоздика, которая в итоге и прижилась.

Одна лишь беда съедала Юру — как истинный русский талант он был запойным. В один из дней развязался, то ли начальник что-то сказал, то ли с женой повздорил. Выпил и уснул за столом на работе.

Армигера тихо уволили. Вскоре и стол его вынесли, вместе с пустыми банками из-под джин-тоника в нижнем ящике.

ОБМЕН

Как попала баба Шура в коммуналку, она не помнила. Помнила только детство в Лыткарине, и что были у них две коровы да лошадь Лысманка. Пластинку эту она бойко заводила ежедневно. Начинала даже с гордостью.

— И было у нас две коровы! Одну-то тятя продал... И осталось у нас... две коровы...

Отказаться совсем от второй коровы бабуса никак не хотела, но арифметика явно не сходилась. Тут Шура надолго задумывалась и в раздумьях уходила в свою комнату. Наутро она появлялась на общей кухне, сияя как солнышко, и начинала знакомиться.

Поначалу Колян шугался странной бабани, но быстро пообвык и бодро представлялся, поддерживая светскую беседу про домашнюю скотину. Из редких озарений Шуры стало понятно, что она юной девицей приехала в Москву служить горничной к маститому советскому писателю Михаилу Бубеннову — «Белую березу» написал — да так и осталась надолго. Когда классик занемог, Шуру отставили, и ее мотало по столице в бурном потоке жилищного вопроса, пока не осела в этой коммуналке.

Вторая соседка, Катя, хотя и в летах, была полной противоположностью Шуры и держалась холодно и отстраненно. Утром она появлялась в ситцевом халатике с алюминиевыми бигудями на редких волосах, задумчиво напевая: «Без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом...». Ее избранник, абсолютно лысый Толя, на кухню не выходил.

Так бы они и жили мирно. По негласной традиции — холостяков не трогали, места общего пользования мыли женщины, но тут Николаю приспело жениться. Тогда и вопрос отдельной жилплощади встал для него во всей наготе. Сбежав в жилищно-эксплуатационную контору, Коля быстро уяснил, что улучшения жилищных условий ему не дожидаться никогда. В его комнате квадратных метров было столько, что, даже при рождении ребенка и даже второго, никакой отдельной квартиры не предвиделось в принципе.

С такой перспективой Колюня был категорически не согласен. Тогда в Москве что-то происходило. Какие-то открывались кооперативные ларьки у метро, какое-то брожение ощущалось. Весна в конце концов!

В общем, Николай задумал размен коммуналки. К его удивлению Катя быстро согласилась, поставив только одно условие — ее комната соединялась с однушкой Толи и превращалась в чудесное двухкомнатное гнездышко. Со второй соседкой было сложнее.

По вечерам баба Шура выслушивала шустрого пацанчика, кивала и вроде бы даже соглашалась. Но утром! Утром она выставляла сухую ладошку и приветливо говорила: «Шура».

Все предприятие висело буквально на волоске. Но Коля закусил удила и погрузился в обменную пучину. По дороге на работу он забежал в газетный киоск и первым покупал многостраничный альманах «Обмен в Москве». Уже в трамвае высчитывал варианты, с рабочего телефона звонил обменщикам, а вечером мчался смотреть квартиры. Сложность состояла в том, что варианты быстро устаревали, а для окончательного обмена нужно было не только согласие всех сторон, но и сбор всех в одно время и в одном месте у районного чиновника. Размер цепочек мог достигать до десятка итераций, а число квартиросъемщиков до нескольких десятков человек.

Постепенно Николай вошел во вкус. Стал частым гостем в Банном переулке, где находился тогда межрайонный обменный центр. Его даже просили подобрать вариант, и он, не сходя с места, мог набросать пару подходящих. Начал разбираться в типах домов и особенностях застройки. Девятиэтажная «панелька», например, никак не менялась с «хрущёвкой». Зато кирпичный дом спокойно разменивался со «сталинкой». Буквально все имело значение — этаж, лифт, район, расстояние до метро. За спиной иногда слышал: «Хороший маклер». Денег не брал, вот еще, за простую задачку как-то неловко.

Вечером делился находками с Катей, и тогда Толя, как матерый штабист, под зеленой наркомовской лампой склонял шишковатую голову над картой. Соседям, однако, никакой вариант не подходил. Они записывали адреса, ездили смотреть, а потом нудно выговаривали про найденные недостатки. Обмен зашел в тупик.

Молодой семье пришло время рожать, и они съехали к родителям. Напоследок Коля сообщил, что выходит из игры. Катя поджала тонкие губы, а баба Шура ничего не заметила.

Прошел почти год, Колин сын понемногу начал ходить самостоятельно, и тут раздался звонок, и незнакомый мужской голос сообщил, что хотел бы встретиться — чтобы обсудить обмен.

На встрече мужчина с интеллигентной бородкой поведал, что у его семьи две квартиры, которые они хотят объединить, а коммуналка в сталинском доме подходит для этого как нельзя лучше.

— Так Кате ничего не нравится! — вскричал Коля. Собеседник выдержал паузу.

— Вы плохо знаете женщин, молодой человек. Я приватно предложил Екатерине Матвеевне совершенно отдельную однушку, и она повелась. Анатолий Сергеевич ведь немолод, у него взрослые дети. Они, если что, не оставят от их совместной двушки камня на камне. А так — своя квартира...

— И что? — хрипло уточнил Коля, не веря своему счастью.

— Так вот. Мы меняем одну трехкомнатную хрущёвку на однушку и комнату в коммуналке. А вы переезжаете в двушку. Только переговоры буду вести лично, а бабу Шуру перевозите вы.

Николай подъехал к дому на грузовичке. В тысячный раз познакомился с бабой Шурой и казенным голосом объявил, что сегодня она переезжает. Шура особо не возражала, все ее вещи уместились в два узла и матрас. Пока ехали, в горле щипало от пыли.

Квартира, куда привез бабу Шуру, оказалась шумная и многодетная. Лохматый парень примерно такого же возраста откровенно обрадовался. Не обращая внимания на бабушку, заорал: «Ты говоришь, она одинокая?». Николай кивнул.

— Здорово! Ты видал, у меня трое, не переживай, присмотрим, комната нам достанется!

Шура спокойно дождалась разгрузки и протянула Николаю смятый рубль.

ЖУРАВЛИ

*«Я не знаю, на ком лежит вина,
но я был одним из рядовых...»*

Н. Гребнев

Тут с большой помпой прошел 100-летний юбилей великого аварского поэта Расула Гамзатова. Президент выступил на юбилее, преклонил голову.

Я же все глаза проглядел: ну, когда? Ну, кто скажет?!

Кто назовет имя человека, который раскопал аварского самородка? Никто не вспомнил.

Его звали Наум Исаевич Рамбах, литературный псевдоним — Наум Гребнев. Сын редактора еврейской газеты в Харбине. Прошел всю войну. Трижды ранен, контужен. Почти умер в медсанбате после тяжелого ранения в живот. И вот эти строки: «Мне кажется порою, что солдаты...» — это его, русского поэта Гребнева, строки.

У Гамзатова в подстрочнике иначе.

С ДНЕМ ПОБЕДЫ, ПАПА

Отец рано остался сиротой. Было голодно, и родня передавала лишний рот из одной семьи в другую, пока мальчик не оказался в многодетной семье родного дяди — Никифора Осиповича.

Дядька в ту пору служил дьяконом в Храме Рождества Христова в бывшем Симбирске — ныне Ульяновске. Прокормить шустрого пацана дядя, наверное, мог бы, только подросток целыми днями пропадал на Волге, где поймать рыбу на нитку было очень даже просто. Хлеб можно было купить на выигрыш в карты. На берегу сбилась целая стая таких же босяков. Сирот было навалом — шла война.

В ту пору отец набил свою первую наколку — «КОСТЯ» — на запястье левой руки. Такие были у всех пацанов, у некоторых были татуировки и посерьезнее — за ходку по малолетке.

Дядя Никиша быстро сообразил, куда по жизни идет его племяш, и сам отвел парнишку в Казанскую летную спецшколу. После войны из этих школ сформировали суворовские училища.

В спецшколе начальник сказал отцу, что не может его зачислить по возрасту — не хватало одного года. Дескать, приходи на следующий. На что подросток честно признался, на следующий год он скорее всего будет на зоне.

Словом, отца взяли в спецуху, в виде исключения — до первого залета. Война, вообще, как-то делала много исключений из правил.

После окончания спецшколымышленный хлопчик поступил в Оренбургское летное училище. По ускоренной программе «взлет-посадка» за девять месяцев там готовили пилотов-истребителей для Красной Армии.

В январе 1945-го года в одном эшелоне вместе с «як-девятыми» весь выпуск привезли на фронт. Фронт тогда проходил в Венгрии, и молодых летчиков в бой сразу не бросили, а стали слетывать на аэродроме. А вскоре пришел приказ — девятимесячников вернуть в училища и учить по полной программе. Покуда доучивался, война закончилась нашей полной и безоговорочной победой!

Про военные подвиги отца ничего сказать не могу, сам он никогда не рассказывал. С Днем победы, папа.

ТРИ РАССКАЗА

ВЛЮБЛЕННЫЙ ШИТИКОВ

Шитиков ходил из угла в угол злой как черт. Собственно, этот самый черт и дернул Шитикова за язык, когда он от переизбытка чувств предложил Верке Семёновой руку, сердце и любую звезду с небосвода. На что Верка, не будь душой, поймела желание начать со звезды, а остальное, дескать, поживем — увидим.

Из краткой и основательно подзабытой школьной программы по астрономии Шитиков помнил лишь то, что до ближайшей звезды никак не меньше, чем, к примеру, до Кологрива. Но если до Кологрива еще как-то можно добраться, то до звезд поезда не ходят и аэропланы не летают, а с Гагариным и другими космонавтами Шитиков дружбы отродясь не водил, считая их телевизионным вымыслом. Оставалось надеяться, что какая-нибудь звезда сама свалится с неба. А что они периодически падают, Шитиков знал совершенно определенно, так как провел в своей жизни не одну романтическую ночь на сеновале под открытым небом. Дело осложнялось лишь тем, что куда конкретно падают звезды — никто точно не знал. Да и момент их падения ни один учебник не регламентировал.

«Лучше бы я этой дуре яблок предложил! — думал Шитиков. — Ну ей богу! Яблоню потряс — и насыпало бы сколько хочешь! А как я ей небо потрясу? Черт-те что!».

И тут Шитикова осенило: его кум как-то под хмельком хвастал, что в их воинской части есть такие ракеты — до любой звезды долетят и разнесут ее к чертовой матери. А раз могут разнести, что им мешает просто сбить звезду со стоячего места, чтобы та грохнулась на землю? А то можно и подгадать, чтобы упала именно туда, куда надо!

С этой счастливой мыслью Шитиков бросился на почтамт и отстукал куму телеграмму-молнию: «КУМ ТЧК НАДО СШИБИТЬ ЗВЕЗДУ ТЧК НУЖНА ТВОЯ РАКЕТА ТЧК ПЛАЧУ ЛЮБЫЕ ДЕНЬГИ ТЧК МОГУ САЛОМ САМОГОНОМ ТЧК ШИТИКОВ ТЧК».

Ответ пришел незамедлительно: «ИДИОТ ТЧК КУМ ТЧК».

ПИЩА БОГОВ

Фёдор Евгеньевич подцепил вилкой еще шипящую шкварку со сковородки и, отправив ее в рот, медленно и со вкусом разжевывал.

— Хм... — пробормотал Фёдор Евгеньевич. — А недурственно! Ей-богу, недурственно! Но чего-то, граждане, не хватает...

Он отложил вилку и задумчиво посмотрел по сторонам, пытаясь сообразить, чем можно дополнить это ароматное яство.

— Ну, конечно! — Фёдор Евгеньевич хлопнул себя по лбу и, подскочивши, кинулся к ящичку с овощами.

Он выудил крупную крепкую луковичу, почистил и, порезав на дольки, вернулся к столу. Теперь, отправив в рот шкварку, он немедленно закусил ее долькой лука.

— Это просто восхитительно! — пробормотал Фёдор Евгеньевич, прикрыв от удовольствия глаза. — Клянусь всеми благами — это просто неопишимо! Но, граждане, кажется, чего-то еще не хватает...

Он опять отложил вилку и задумчиво огляделся. Потом встал, заглянул в ящик с овощами, прошелся по шкафчикам и приметил хлебницу.

— Хлеб! — радостно воскликнул Фёдор Евгеньевич. — Ну, конечно! Как же без хлеба-то?

Он отрезал приличный ломоть черного хлеба и прошествовал к столу. Сел, вознамерился было откусать новую шкварку, как вдруг отложил вилку в сторону, вскочил и решительно направился к холодильнику, откуда вытащил початую бутылку самогону.

— Ну вот теперь добре! — удовлетворенно воскликнул Фёдор Евгеньевич, вернувшись за стол.

Он плюхнул полстакана самогона, залпом выпил, мгновенно занюхал шкваркой, тут же отправил эту шкварку с долькой лука в рот и откусил хлеба. После чего, медленно жуя, откинулся на спинку стула.

— Вот что я вам доложу, граждане, — блаженно улыбаясь, пробормотал Фёдор Евгеньевич, — если Бог есть, то я таперича совершенно определенно знаю — что он кушает! Уж можете мне поверить!..

СВЕТОФОР

Дмитрий Петрович остановился на красный свет светофора.

— Странно, — сонно пробормотал Дмитрий Петрович и отчаянно зевнул, — что-то я не припомню, чтобы тут светофор раньше был...

Светофор меж тем засветил желтым и погасил красный, но как только Дмитрий Петрович стал отпускать сцепление, светофор на секунду моргнул зеленым и сразу врубил красный.

— Тьфу ты, черт! — выругался Дмитрий Петрович. — Кажется, я еще не окончательно проснулся...

Светофор снова засветил желтым, погасил красный и... снова зажег красный фонарь.

— Не понял?.. — удивился Дмитрий Петрович. — Что еще за ерунда? Сломался, что ли?

Светофор будто услышал Дмитрия Петровича и на секунду подмигнул зеленым.

Дмитрий Петрович посмотрел по сторонам: кроме него на дороге больше никого не было, и тогда он потихоньку тронулся. И как только поравнялся со светофором, тот замигал всеми огнями и выпрыгнул на середину дороги.

— Елки твою надысь! — вскричал Дмитрий Петрович и ударил по тормозам.

А светофор отмочил вот что: мигая в хаотическом порядке всеми фонарями, он стал скакать на своей стальной ноге вокруг машины Дмитрия Петровича, периодически откалывая пируэты с переворотами, отчего страшно пораженный Дмитрий Петрович почувствовал себя плохо.

— Что же это делается, господи? — прошептал он, протирая глаза.

А светофор еще пуще прежнего стал выделять коленца.

— Ах, вот ты где! Стой, зараза! — раздался крик.

И из придорожных кустов выскочили два мужика в оранжевых жилетках. Один из них очень умело накиннул на светофор лассо, а другой прыгнул на светофор сверху, и совместными усилиями они завалили его на землю.

— Попался, гад! — удовлетворенно сказал один из мужиков, деловито связывая светофор веревкой, тогда как другой натягивал на мигающие фонари холщовый мешок.

Обездвижив шальное устройство, мужики взвалили его на плечи и скрылись в кустах.

А Дмитрий Петрович, изрядно обмочив одежду слюнями, вытекающими из открытого рта, ущипнул себя за щеку, тряхнул головой, огляделся и надавил на газ.

Юрий Поляков — известный русский писатель. Родился в 1954 году в Москве. Окончил литфак Московского областного пединститута имени Н.К. Крупской. Кандидат филологических наук (1981). Как поэт дебютировал в 1974 г. в «Московском комсомольце». Первая книга «Время прибытия. Стихи» вышла в 1980 г. в издательстве «Молодая гвардия». В 1981-м принят в Союз писателей СССР. В 1985-м с выходом в журнале «Юность» повести «ЧП районного масштаба» получает широкую известность как прозаик. Почти все его новые повести и романы становились бестселлерами: «Сто дней до приказа» (1980–87), «Работа над ошибками» (1986), «Апофегей» (1989), «Парижская любовь Кости Гуманкова» (1991), «Демгородок» (1993), «Козленок в молоке» (1995), «Небо падших» (1998), «Замыслил я побег...» (1999), «Грибной царь» (2004), «Гипсовый трубоч» (2008–2012), «Любовь в эпоху перемен» (2015), «Веселая жизнь» (2019), «Совдетство» (2021–2025).

Юрий Поляков известен также как драматург, чьи пьесы широко идут в театрах России и за рубежом. По его произведениям снято 11 фильмов. Соавтор сценария фильма «Ворошиловский стрелок» Станислава Говорухина.

С 2001 по 2017 год возглавлял «Литературную газету». Выпустил ряд книг публицистики: «От империи лжи — к республике вранья», «Государственная недостаточность», «Россия в откате», «Лезгинка на лобном месте», «Перелетная элита», «Раздрапите Мавзолей» и др.

Лауреат многих премий. Среди них: Ленинского комсомола (1986), Государственная премия РФ (2024), «Слово» (2025, 2026).

В этом номере журнала он отвечает на вопросы Евгения Степанова.

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ: «РОССИЯ ЕЩЕ СО ВРЕМЕН ПОДЪЕМА МОСКОВИИ ВЫСТУПАЛА КАК СУБЪЕКТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ!..»

— Журнал «Зарубежные записки» я купил за один евро... Инициатором сделки был наш с Вами общий знакомый Даниил Чкония (1946–2023). И вот уже более десяти лет я выпускаю этот, разумеется, убыточный журнал, который посвящен литературе русскоязычной диаспоры за границей. Мы много печатаем и прозы, и поэзии, и публицистических материалов, пытаюсь, в частности, понять взаимоотношения России и Запада... Как Вы думаете, уважаемый Юрий Михайлович, почему все-таки на протяжении столетий отношения у нас такие сложные? Как правило, конфронтационные. Ведь лучше торговать, чем воевать...

— Так войны-то и ведутся за то, чтобы иметь в торговле более выгодные позиции, а если получится, и вообще скупать богатства других стран за бесценок или просто отбирать, как при старом-недобром колониализме. Это — во-первых. Во-вторых, Россия еще со времен подъема Московии выступала как субъект мировой политики, как империя, расширяющаяся в своих естественных границах. Кому же это понравится? Вы когда-нибудь видели, чтобы боксер-тяжеловес испытывал нежность к набирающему мощь своему вероятному сопернику в схватке за пояс чемпиона мира? Я не видел... Вопрос в другом. Почему мы на оголтелую русофобию почти никогда не отвечали адекватно? Не можем по своей природе. Наш национальный психотип исторически складывался в иных условиях. Напомню, у германцев изначально была кровнородственная община, а у славян — соседская. Германцы, оккупируя восточные земли, население уничтожали или жестко ассимилировали. Мы же осваивали новые территории, не разрушая уклад народов, включаемых в Московское царство, а потом в Российскую империю. У нас не было традиции демонизировать, обезчеловечивать соседние племена. Перечитайте кавказские поэмы Лермонтова, а ведь они сочинялись в пору кровавой и жестокой войны. Мы воюем с режимом Зеленского пятый год, а в России нет ненависти к украинцам, несмотря на наши потери. А вот в Незалежной образ «ненавистной русни» внедрен чуть ли не в подсознание населения, особенно молодежи. Почему? Ответ прост: Западная Украина, поставляющая основные кадры пропагандистов, долгое время входила в состав Австро-Венгрии, Польши, Германии, где традиции обезчеловечивания противника, русофобия были чрезвычайно развиты. Вот вам и ответ.

— Я почти два года жил в США. Впервые приехал в эту страну в 1992 году. И с тех пор часто туда приезжал. Жил в самых разных штатах, не только в Нью-Йорке, который особенно люблю, но и в глубинке. В 1996 году стал за вклад в культуру почетным гражданином штата Кентукки. Перестал ездить в США только после начала СВО. Ничего в Америке не понимаю. Там живут очень близкие мне по духу люди. Простые, открытые, надежные, всегда готовые прийти на помощь. Никогда я не слышал там от моих знакомых ни одного русофобского слова. Наоборот, все со мной всегда говорили с большим интересом и большим уважением к России. И в то же время у США такие агрессивные политики,

руководители страны, глубинное государство, военные «ястребы», которые ненавидят нашу страну... Как это объяснить?

— Любопытно, что пока Североамериканским штатам хватало своих ресурсов, а интересы ограничивались своим ареалом согласно известной доктрине, они к России относились вполне благодушно. Потом началось противостояние двух мировых политико-экономических систем, во главе одной — СССР, во главе другой — Штаты. Потребовались новые кадры, обслуживающие это противоборство. И они сразу нашлись, США — страна эмигрантов, и туда из Европы ехали люди с наследственной русофобией в головах... Поначалу все списывалось на «борьбу с коммунизмом», но после того, как повседневно нетрезвый Ельцин провозгласил, что «идол коммунизма повержен», стало ясно: дело не в коммунизме. Тогда и у нас началось отрезвление от веры в возможность партнерства с Западом. Полагаю, только в следующем «царствовании» мы узнаем чудовищные масштабы разграбления России за десятилетия «дружбы» с «цивилизованным миром». Но степень утрат в военной мощи можно оценить уже сейчас, исходя из того, что СВО длится уже дольше, чем Великая Отечественная...

— Во время Второй мировой войны советскому правительству удалось почти невероятное — на нашей стороне были Великобритания и США, злейшие враги СССР. Почему сейчас у нас практически нет союзников, хотя очевидно, что, например, Путин и Трамп симпатизируют друг другу...

— Будем объективны: американцы и британцы вынуждены были стать нашими союзниками, поскольку мощь германского блока угрожала мировому диктату англосаксов. Любопытная деталь: когда решался вопрос, какой язык будет государственным в Штатах, провозгласивших свою независимость, выходцев из Германских княжества и с Британских островов там было примерно одинаковое количество, немцев — даже поболее. И первоначально склонялись к языку Гёте, мол, отрываться от метрополии — так по полной программе! Но тут решающую роль сыграло более высокое положение британских выходцев в мировой масонской системе. А теперь вообразите: к началу Первой мировой войны США говорят на немецком! История могла пойти совсем другим путем...

Но вернемся от альтернативной истории к реальности. Открытие второго фронта союзники оттягивали до последнего. А потом, когда еще не просохли чернила на Потсдамских документах, был разработан план «Невероятное», предусматривающий нападение на СССР силами Британии, США, но главное — силами пленных немецких соединений, которые «союзники» держали в полной боевой готовности. Так что, железный занавес и холодная война — это продолжение лукавого союзничества. Именно по этой причине у нас теперь и нет союзников. И такой поворот для нас не новость. Достаточно вспомнить, как освобожденная Скобелевым от турок Болгария вскоре приняла германскую династию, и братушки оказались во враждебном России лагере.

— **Какие зарубежные писатели Вам наиболее интересны?**

— Хочу напомнить, что при Советской власти классическая и новейшая зарубежная литература широко переводились на русский язык, гораздо шире, нежели наша на европейские языки. Причем, уровень переводов был очень высокий. Говорят, один американский филолог-билингв, прочитав по-русски Хемингуэя, с удивлением воскликнул, мол, это же гораздо лучше, чем на английском... Я, как и все советские мальчишки, запоем читал Купера, Верна, Хогарта, Майн Рида, Дюма, Уэллса, Буссенара, Стивенсона, Конан Дойля, Эдгара По... Потом пришло время Шекспира, Рабле, Мольера, Бальзака, Золя. Доде, Мопассана, Франса, Голсуорси, Ремарка, Гашека, Чапека... Лично на меня больше влияние оказали Оскар Уайльд и Бернард Шоу. Сейчас трудно поверить, но буржуазный эстет с нетрадиционной ориентацией Уайльд шел на всех сценах СССР, там ставили все его пьесы за исключением «Саломеи», а «Дориана Грея» часто показывали в виде телевизионного спектакля.

— **Каких зарубежных поэтов Вы цените?**

— Зарубежную поэзию я, конечно, знал в блестящих переводах наших мастеров. Все мы, начинающие поэты конца 60-х и начала 70-х, переболели Бодлером, Уитменом, Верленом, Рембо, Лоркой... Но все равно стихи, на мой взгляд, непереводимы... Ни один зарубежный поэт не оказал на меня такого влияния, как русские классики, начиная с Пушкина, Тютчева и заканчивая Заболоцким, Соколовым...

— **Я очень хорошо помню перестроечное и постперестроечное время. Я тогда уже работал журналистом, редактором-издателем. Помню, с каким триумфом приезжали в Россию Солженицын, Аксёнов, Войнович, Коржавин и другие представители литературной эмиграции. И они, несомненно, вошли в историю русской литературы. А что, на Ваш взгляд, ждет нынешних писателей-эмигрантов, многие из которых признаны иноагентами?**

— Не стану лукавить в духе актуального патриотизма, а скажу напрямки: после нашей победы в СВО, они, кто доживет, вернутся — кто раньше, кто позже, кто с извинениями, а кто с молчаливой непримиримостью... Их примут, простят, приголубят. У нас так повелось. А когда придет время «считать раны», критиковать предшественников во власти и объективно оценивать причины и результаты братоубийственной войны, до которой, конечно, нельзя было доводить дело, они выступят вроде коллективной Кассандры, мол, а мы вас предупреждали! Все эти люди имеют перед собой воодушевляющие исторические примеры, когда деятелям культуры, вступавшим в конфликт с Государством Российским, потом ставили памятники. Солженицын — ярчайший тому пример. Да и бронзовый Ростропович, стоящий на месте, предназначавшемся для памятника Карамзину к 200-летию со дня рождения, наводит на определенные мысли. Боюсь, мы еще увидим на Бульварном или Садовом кольце металлических двойников Улицкой, Акунина, Макаревича (Все трое признаны иноагентами. — *прим. Редакции.*)... Наша власть никак не усвоит исторический урок: тех талантливых людей, которые противопоставили себя стране, где родились, не нужно запрещать или замалчивать (это лишь усиливает интерес к ним) — их просто не следует увековечивать. И этого будет достаточно.

— Вы объездили полмира. Во многих странах идут Ваши пьесы. Каким странам Вы симпатизируете?

— Мало, кто знает, что я в течение десяти лет был председателем Общества российско-венгерской дружбы. С удовольствием бываю в Сербии. В этих странах переведена моя проза, поставлены мои пьесы. Интересная деталь: болгарская издательница моего романа «Замыслил я побег...» Божана Апостолова возглавляла народное движение за сохранение памятника Алёше в Пловдиве. На премьеру в Австралию я так, к сожалению, и не выбрался... Почти вся моя проза переведена в Китае. За роман «Замыслил я побег», выпущенный в Пекине издательством «Народная литература», я получил премию как автор лучшего переводного романа года. Более того, ЦК КПК заказал у «Народной литературы» спецтираж «Побега» и распространил его среди чиновников, которые по своим должностным обязанностям работают с Россией. Мудрые китайцы сочли, что моя семейная сага, охватывающая советскую и постсоветскую действительность последней четверти XX века, дает более глубокое представление о судьбе нашего Отечества, нежели политологические трактаты. Согласитесь, высокая оценка значимости изящной словесности.

К сожалению, русских писателей-реалистов, вроде меня, на Западе почти не знают, так как созданный при Роспечати так называемый Институт перевода много лет делает все, чтобы наши сочинения туда не просочились, в их задачу входило, на мой взгляд, навязывание зарубежным читателям тех российских авторов, которые стали в дальнейшем иноагентами или релокантами, переместившись в Америку или Израиль. Сейчас Союз писателей России под руководством Владимира Мединского старается «перепрофилировать» Институт перевода на достойных авторов... Надеюсь, это удастся.

— Довольны ли Вы качеством перевода Ваших книг?

— У меня были сильные переводчики. Назову хотя бы Йожефа Горетича (венгерский), Радмилу Мечанин (сербский), профессора Чжана (китайский), Арчибальда Тейта (английский), Лию Иванян (армянский)... Мои стихи и проза переведены почти на двадцать языков.

— Как сделать так, чтобы люди жили в мире и согласии, помогали друг другу, а не враждовали?

— Боюсь, это случится лишь в том случае, если люди вынуждены будут объединиться для спасения от тотальной, губительной угрозы, нависшей над всей человеческой цивилизацией. И то не уверен...

Беседу вел Евгений СТЕПАНОВ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА...

(К 200-ЛЕТИЮ Л. Н. ТОЛСТОГО)

*И познаете Истину, и Истина сделает вас свободными
(Ин. 8: 32).*

ЧАСТЬ 1

Лев Николаевич Толстой (1828–1910) — великий русский писатель, классик мировой литературы — 27 декабря 1889 года занес в свой дневник следующие размышления: «Если деятельность человека освящена истиной, то последствия такой деятельности добро (добро и себе и другим); проявление же добра всегда прекрасно»¹.

Взволнованным, страстным тоном писатель-христианин говорил о напряженных поисках смысла жизни, проповедовал идеалы Добра, Красоты и Правды в их истинном, абсолютном значении: «Бога же — Духа, Бога — Любовь, единого Бога — начало всего не только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме Бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли Бога, выраженной в христианском учении»².

В религиозно-философском трактате «Исповедь» (1879–1882) Толстой рассказал о крутом переломе в своей жизни, первом итоге «внутренней перестройки всего мирозерцания» (30, 3), определившем дальнейшую судьбу и новое направление творчества: «Со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука, искусство — все это предстало мне как бабловство. Я понял, что искать смысла в этом нельзя. Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единым настоящим делом. И я понял, что смысл, придаваемый этой жизни, есть Истина, и я принял его» (XVI, 146).

Идеи «Исповеди» Толстой развивал и впоследствии: в книге «В чем моя вера» (1884), в религиозно-философском трактате «Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1890–1893) и других произведениях. «Познаете истину, и истина освободит вас (Иоан. VIII, 32)» — этот эпиграф из Евангелия предпослал автор своему трактату.

ШТУДНИ

После прочтения толстовской «Исповеди» Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) справедливо восклицал: «И все-таки Толстой едва ли не самый замечательный человек современной России!»³ Книга Толстого, которую Тургенев, по его признанию, прочел «с великим интересом: вещь замечательная по искренности, правдивости и силе убеждения» — вызвала ответный душевный порыв. Тургеневу захотелось лично встретиться с Толстым: «чтобы в свою очередь исповедаться перед дорогим мне человеком»⁴.

«Исповедь» справедливо называли «образцом автобиографии» (XVI, 429). Современники с изумлением отмечали: «Толстой, граф, богатый человек, заслуженный воин севастопольских сражений, блестящий писатель, порвал с обществом, отказался от литературного творчества и в полемических работах “Исповедь” и “В чем моя вера?” встал на сторону Руссо <...> и сам воплотил на практике свое учение, превратившись в крестьянина» (XVI, 429).

Анатолий Фёдорович Кони (1844–1927) — известный юрист, правозащитник и общественный деятель, современник Толстого — писал о нем: «Он мог иногда заблуждаться в своем гневном искании истины, но он заставлял работать мысль, нарушал самодовольство молчания, будил окружающих от сна и не давал им уснуть в застое болотного спокойствия»⁵.

В «Исповеди» с необыкновенной глубиной звучат не только личностные покаянные мотивы, но и с огромной силой раскрывается социально-обличительное направление, представлена наиболее острая критика жизни так называемых высших сословий, самодержавно-капиталистического строя в целом. Художник слова постоянно «думал о том, что если служить людям писанием, то одно, на что я имею право, что должен делать, это — обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат» (54, 52).

В 1861 году крепостное право формально было отменено, но поменялись только формы порабощения людей. Народ, простые труженики, в большинстве своем безграмотные, невежественные, фактически продолжали оставаться рабами. Рабский труд едва давал возможность прокормиться, кое-как поддерживать физическое существование, не оставляя ни времени, ни сил, ни средств на духовно-нравственное и умственное развитие.

Свою неотступную душевную боль о народе Толстой изливал в дневниках: «Все ходит и тревожит мысль о том, что рабство, стоящее за нами, губит нашу жизнь, извращает наше сознание жизни»; «если жизнь их <людей — А. Н. -С.> дурна, они не могут мыслить правильно (вот где губит нашу мысль инерция рабства)» (50, 178).

Толстой на основе собственных наблюдений во время переписи населения показал достоверные картины всеобщего народного горя, страданий, ужасающей нищеты. Статья «О переписи в Москве» (1882) как свидетельство очевидца носит характер подлинного документа. Абстрактные выводы и сухие цифры социологии мало интересовали Толстого. Его заботило действительное состояние реальных людей: «Для людей науки возможно спокойно сказать, что в 1882 году столько-то нищих, столько-то проституток, столько-то детей без призора. <...> Но что же, если мы, люди не науки, скажем: вы погибаете в разврате, вы умираете с голоду, вы чахнете и убиваете друг друга — так вы этим не огорчайтесь; когда вы все погибнете и еще сотни тысяч таких же, как вы, тогда, может быть, наука устроит все прекрасно. Для людей науки перепись имеет свой интерес; для нас она имеет свое, совсем другое значение» (XVI, 98).

Перепись саму по себе как бесстрастную констатацию фактов писатель признал дурным делом: «Что такое для нас, москвичей, не людей науки, совершающаяся перепись? Это две вещи. Во-первых, то, что мы наверно узнаем,

что среди нас, среди десятков тысяч, проживающих десятки тысяч, живут десятки тысяч людей без хлеба, одежды и приюта; во-вторых, то, что наши братья, сыновья будут ходить смотреть это и спокойно заносить по графам, сколько умирающих с голода и холода. И то и другое очень дурно» (XVI, 98).

Эта толстовская статья явилась настоящим призывом, воззванием к благополучным и пресыщенным: «Уменьшить нищету и неравномерность богатств. Как это сделать? Богатым поделиться с бедными. <...> Надо к переписи присоединить дело любовного общения богатых, досужных и просвещенных — с нищими, задавленными и темными» (XVI, 99).

Толстой не имел в виду точечную индивидуальную благотворительность, единичные денежные пожертвования. Писатель призывал к постоянной самоотверженной работе для улучшения положения обездоленных людей: «удержать эти сношения с людьми, нуждающимися в помощи, и работать для них» (XVI, 99).

«Но у меня спросят: что значит работать на людей? Отвечу: делать добро людям. Не давать деньги, а делать добро людям. Под словами “делать добро” понимается обыкновенно — давать деньги. Но, по моему понятию, делать добро и давать деньги — есть не только не одно и то же, но две вещи совсем разные и, большей частью, противоположные. Деньги сами по себе зло. И потому, кто дает деньги, тот дает зло. Заблуждение это, что давать деньги — значит делать добро, произошло оттого, что, большей частью, когда человек делает добро, то он освобождается от зла и в том числе и от денег. И потому давать деньги есть только признак того, что человек начинает избавляться от зла. Делать добро — значит делать то, что хорошо для человека. А чтобы узнать, что хорошо для человека, надо стать с ним в человеческие, т. е. дружеские отношения. И потому, чтобы делать добро, не деньги нужны, а нужна прежде всего способность хоть на время отречься от условности нашей жизни; нужно не бояться запачкать сапоги и платье, не бояться клопов и вшей, не бояться тифа, дифтерита и оспы; нужно быть в состоянии сесть на койку к оборванцу и разговаривать с ним по душе так, чтобы он чувствовал, что говорящий с ним уважает и любит его, а не ломается, любясь на самого себя. А чтобы это было, нужно, чтобы человек находил бы смысл жизни вне себя. Вот что нужно, чтобы было добро, и вот что трудно найти» (XVI, 101).

В самом деле, многие знакомые Толстого, к кому он обращался лично, намерены были просто-напросто откупиться от неприятной для них ситуации: выражали готовность пожертвовать какие-либо денежные суммы, лишь бы только самим не видеть зрелища народного горя, нищеты, убожества.

Но писатель справедливо настаивал на своей позиции: «Нужна деятельность самоотверженная, нужны люди, которые хотели бы делать добро, отдавая не чужие грехи — деньги, а свой труд, себя, свою жизнь. Дело это есть любовное общение людей с людьми и разрушение тех преград, которые воздвигли люди между собой, для того чтобы веселье богача не нарушалось дикими воплями оскотинившихся людей и стонами беспомощного голода, холода и болезней» (XVI, 101).

В трактате «Так что же нам делать?» (1882–1886) Толстой продолжил искать и предлагать пути и средства для истинной помощи нуждающимся в ней людям.

Бедственное положение народа в царской России беспрестанно бредило душу, сознание писателя, не давало покоя, как открытая незаживающая рана. Толстой испытывал муки совести, считая и себя самого как представителя дворянской знати ответственным за несчастья простого люда.

Писатель признавался: «при виде этого голода, холода и унижения тысячи людей, я не умом, не сердцем, а всем существом моим понял, что существование десятков тысяч таких людей в Москве, тогда, когда я с другими тысячами объедаюсь филеями и осетриной и покрываю лошадей и полы сукнами и коврами, что бы ни говорили мне все ученые мира о том, как это необходимо, — есть преступление, не один раз совершенное, но постоянно совершающееся, и что я, с своей роскошью, не только попуститель, но прямой участник его. <...> и потому чувствовал, и чувствую, и не перестану чувствовать себя участником постоянно совершающегося преступления до тех пор, пока у меня будет излишняя пища, а у другого совсем не будет, у меня будут две одежды, а у кого-нибудь не будет ни одной» (XVI, 174).

В качестве эпиграфа к трактату Толстой воспроизводит евангельские истины, которые служат также ответом на вопрос, вынесенный в заглавие, «Так что же нам делать?»: «И спрашивал Его народ, что же нам делать? И Он сказал в ответ: у кого есть две одежды, тот отдай неимущему; и у кого есть пища, дай то же. (*Луки III, 10, 11*)» (XVI, 166).

Ранее в статье «О переписи в Москве» Толстой напоминал организаторам переписи населения о тех же человеколюбивых заветах Христа: «Как бы кто ни смотрел на жизнь, всякий согласен, что важнее ничего нет человеческой жизни, и дела нет более важного, как устранить препятствия для развития этой жизни, помочь ей. В Евангелии <...> с определенностью и ясностью для всех выражена та мысль, что отношения людей к нищете, страданиям людским есть корень, основа всего. “Кто одел голого, накормил голодного, посетил заключенного, тот Меня одел, Меня накормил, Меня посетил”, то есть сделал дело для того, что важнее всего в мире» (XVI, 99).

Толстовские статьи взбудоражили общество: «Воззвание Толстого ударило по сердцам и сильно всколыхнуло москвичей. Даже люди, стоявшие собственно в стороне от гущи жизни, люди чисто кабинетного склада, люди более или менее далекие от текущей злобы дня, — и те волновались и вдруг захотели что-то делать, вдруг ощутили потребность что-то предпринять» (XVI, 425).

Однако писатель вынужден был признать, что его воззвания и призывы не могли в корне изменить существующее несправедливое устройство общества с его вопиющим расслоением на бедных и богатых, рабов и господ. Об этом — первые строки рукописи трактата «Так что же нам делать?»: «Из предложения моего по случаю переписи ничего не вышло. Мало того, я убедился, что ничего и не могло выйти» (25, 614).

В то же время Толстой был глубоко убежден, что каждый несет личную ответственность за свой духовно-нравственный выбор: «Мы можем проявить свет, который есть в нас, или загасить его» (XVI, 105).

В соответствии с призывом: «сохраним это общение и употребим его на то, чтобы избавиться самим от бесцельности и безобразия нашей жизни и избавить обделенных от тех бед и несчастий, которые чутким людям из нас не дают спокойно радоваться нашим радостям» (XVI, 105), — поступает Дмитрий Нехлюдов, главный герой последнего романа Толстого «Воскресение» (1899), вышедшего в свет на рубеже XIX и XX веков.

Роман открывается картиной, построенной на резких контрастах между воскрешением и омертвлением, радостью и мучением, красотой и безобразием, истиной и ложью, Божественным и безбожным.

Природа весной — неизбежно, в соответствии с Божьими установлениями — каждый раз воскресает, возрождается к новой естественной жизни, несмотря ни на какое искусственное противодействие: «Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать

ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, — весна была весною даже и в городе.

Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопавшиеся почки; галки, воробьи и голуби по-весеннему радостно готовили уже гнезда, и мухи жужжали у стен, пригретые солнцем. Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети» (XIII, 7–8).

В то же время прекрасный мир Божий обезображен искаженными, ложными представлениями людей, их извращенным мировосприятием, пагубной «социальностью», где одни присвоили себе право властвовать над другими, угнетать, подавлять и мучить их: «Но люди — большие, взрослые люди — не переставали обманывать и мучить себя и друг друга. Люди считали, что священо и важно не это весеннее утро, не эта красота мира Божия, данная для блага всех существ, — красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом» (XIII, 8).

Суровому гневному обличению в этом вершинном романе Толстого подвергаются власти всех уровней. С ними сталкивается главный герой романа князь Дмитрий Иванович Нехлюдов, когда пытается добиться справедливости в деле несправедливо осужденной Катюши Масловой.

Нехлюдов пережил сильнейшее нравственное потрясение, когда он как присяжный заседатель вынужден был участвовать в суде над женщиной, обвиняемой в тяжком преступлении — убийстве, которого она не совершала. В обитательнице публичного дома по прозвищу Любка, которая на скамье подсудимых выглядит уже как «мертвая женщина», «полуидiotка» с опухшим от пьянства лицом, князь с ужасом узнал бывшую горничную своих тетушек Катюшу Маслову.

Тогда она была юной, оживленной, милой девушкой с глазами цвета «мокрой смородины». Оба они были влюблены, между ними возникло чистое, светлое чувство. Но во второй свой приезд к тетушкам молодой князь соблазнил Катюшу и бросил ее, забыл, казалось бы, навсегда. До встречи в суде Нехлюдов даже не подозревал, что загубил жизнь девушки, ее веру в людей, в реальность добра. «С той страшной ночи она перестала верить в добро. Она прежде сама верила в добро и в то, что люди верят в него, но с этой ночи убедилась, что никто не верит в это и что все, что говорят про Бога и добро, все это делают только для того, чтобы обманывать людей. <...> Все жили только для себя, для своего удовольствия, и все слова о Боге и добре были обман» (XIII, 138).

После рождения и смерти ребенка, после долгих мытарств и гонений Катюша очутилась в петербургском доме терпимости мадам Китаевой. Здесь из Катюши она превратилась в Любку, и началась ее «жизнь хронического преступления заповедей Божеских и человеческих, которая ведется сотнями и сотнями тысяч женщин не только с разрешения, но под покровительством правительственной власти, озабоченной благом своих граждан, и кончается для девяти женщин из десяти мучительными болезнями, преждевременной дряхлостью и смертью» (XIII, 15).

В зале суда присяжный заседатель Нехлюдов — уважаемый член общества, пришедший выполнить свой гражданский долг, — с внутренним содроганием признает себя самого виновным, нравственно и социально ответственным за судьбу загубленной им женщины. В герое происходит такая же «внутренняя

перестройка всего мирозерцания» (30, 3), о которой писал Толстой в своей «Исповеди».

В связи с образом Нехлюдова в романе «Воскресение» писатель приводит рассуждения об особенностях человеческой сущности и психологии, излагает свою известную концепцию *«люди как реки»*: «Одно из самых обычных и распространенных суеверий то, что каждый человек имеет одни свои определенные свойства, что бывает человек добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и т. д. Люди не бывают такими. Мы можем сказать про человека, что он чаще бывает добр, чем зол, чаще умен, чем глуп, чаще энергичен, чем апатичен, и наоборот; но будет неправда, если мы скажем про одного человека, что он добрый или умный, а про другого, что он злой или глупый. А мы всегда так делим людей. И это неверно.

Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем непохож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собою. У некоторых людей эти перемены бывают особенно резки. И к таким людям принадлежал Нехлюдов» (XIII, 201).

ЧАСТЬ 2

*И познаете Истину, и Истина сделает вас свободными
(Ин. 8: 32).*

Чтобы загладить свою вину за искалеченную жизнь Катюши, Нехлюдов собирается жениться на ней. Героиня с яростной злобой и гневом отвергает это предложение. Во время свидания, дозволенного в тюрьме, между князем и арестанткой возникает знаменательный диалог:

«— Я говорил, что пришел просить вас простить меня, — сказал он.

— Ну, что, все простить, простить, ни к чему это... вы лучше...

— Что я хочу загладить свою вину, — продолжал Нехлюдов, — и загладить не словами, а делом. Я решил жениться на вас.

Лицо ее вдруг выразило испуг. <...>

— Это еще зачем понадобилось? — проговорила она, злобно хмурясь.

— Я чувствую, что я перед Богом должен сделать это.

— Какого еще Бога там нашли? Все вы не то говорите. Бога? Какого Бога? Вот вы бы тогда помнили Бога <...>

— Успокойтесь, — сказал он.

— Нечего мне успокаиваться. Ты думаешь, я пьяна? Я и пьяна, да помню, что говорю, — вдруг быстро заговорила она и вся багрово покраснела, — я как-то торжная, б..., а вы барин, князь, и нечего тебе со мной мараться. Ступай к своим княжнам, а моя цена — красненькая.

— Как бы жестоко ты ни говорила, ты не можешь сказать того, что я чувствую, — весь дрожа, тихо сказал Нехлюдов, — не можешь себе представить, до какой степени я чувствую свою вину перед тобою!..

— Чувствую вину... — злобно передразнила она. — Тогда не чувствовал, а сунул сто рублей. Вот — твоя цена...

— Знаю, знаю, но что же теперь делать? — сказал Нехлюдов. — Теперь я решил, что не оставляю тебя, — повторил он, — и что сказал, то сделаю.

— А я говорю, не сделаешь! — проговорила она и громко засмеялась.

— Катюша! — начал он, дотрагиваясь до ее руки.

— Уйди от меня. Я каторжная, а ты князь, и нечего тебе тут быть, — вскрикнула она, вся преображенная гневом, вырывая у него руку. — Ты мной хочешь спастись, — продолжала она, торопясь высказать все, что поднялось в ее душе. — Ты мной в этой жизни услаждался, мной же хочешь и на том свете спастись! Противен ты мне, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя. Уйди, уйди ты! — закричала она» (XIII, 172–173).

Это уже сословная ненависть человека из народа, чья душа была попорана, жизнь исковеркана по прихоти знатного богача.

Нехлюдов не покидает своего намерения служить Катюше: «Он решил, что не оставит ее, не изменит своего решения жениться на ней, если только она захочет этого» (XIII, 202). Князь выступает ходатаем по судебному делу Масловой и всех тех, кто осужден безвинно. О множестве таких вопиющих случаев ложных обвинений, судебных ошибок, неправомерных жестоких приговоров, свидетельствующих о ненормальной, аморальной работе судебных механизмов и государственной машины в целом, князь узнал, когда стал встречаться с Катюшей в остроге. «Нехлюдову с необыкновенной ясностью пришла мысль о том, что всех этих людей хватили, запирали или ссылали совсем не потому, что эти люди нарушали справедливость или совершали беззакония, а только потому, что они мешали чиновникам и богатым владеть тем богатством, которое они собирали с народа» (XIII, 309).

Хлопоты героя, его тягостные, оскорбительные для достоинства личности, для нравственного чувства хождения по чиновничьим кабинетам, гостинным столичных сановников, посещение мест тюремного заключения дают автору романа возможность изобразить государственную бюрократическую систему на всех ее уровнях, сверху донизу. «Я сам не ожидал, как много можно сказать в нем <«Воскресении»> о грехе и бессмыслице суда» (71, 457), — писал Толстой 30 сентября 1898 года своему другу и стороннику, впоследствии — биографу Павлу Ивановичу Бирюкову (1860–1931).

В изображении писателя власть имущие, «люди, составляющие правительство и богатые классы» (35, 148), — это «тьнь», нечто «отрицательное», безжизненное, окостеневшее, призрачное.

Таков комендант Петропавловской крепости, старик Кригсмут — «выживший из ума, как говорили про него, старый генерал из немецких баронов» (XIII, 274). Безумный барон увлекается спиритизмом, и сам во время спиритического сеанса походит на жуткое привидение: «Тонкие, влажные, слабые пальцы художника были вставлены в жесткие, морщинистые и окостеневшие в сочленениях пальцы старого генерала, и эти соединенные руки дергались вместе с опрокинутым чайным блюдечком по листу бумаги с изображенными на нем всеми буквами алфавита. Блюдечко отвечало на заданный генералом вопрос о том, как будут души узнавать друг друга после смерти» (XIII, 275).

Занятый беседами с душами умерших, Кригсмут совершенно равнодушен к страданиям живых людей, истерзанных в мрачных застенках вверенной ему Петропавловской крепости. Сам полумертвый, он сеет вокруг себя тление, ужас и смерть. Он исполнительный винтик безжалостной, смертоносной государственной машины во главе с государем-императором. Барон «уже ослабленным стариком получил то дававшее ему хорошее помещение, содержание и почет место, на котором он находился в настоящую минуту. Он строго исполнял предписания свыше и особенно дорожил этим исполнением. Приписывая этим предписаниям свыше особенное значение, он считал, что все на свете можно изменить, но только не эти предписания свыше. Обязанность

его состояла в том, чтобы содержать в казематах, в одиночных заключениях политических преступников и преступниц и содержать этих людей так, что половина их в продолжение десяти лет гибла, частью сойдя с ума, частью умирая от чахотки и частью убивая себя: кто голодом, кто стеклом разрезая жилы, кто вешая себя, кто сжигаясь.

Старый генерал знал все это, все это происходило на его глазах, но все такие случаи не трогали его совести, так же как не трогали его совести несчастья, случавшиеся от грозы, наводнений и т. п. Случаи эти происходили вследствие исполнения предписаний свыше, именем государя императора» (XIII, 274).

Дряхлый служака неукоснительно исполняет установленные в государстве античеловеческие законы: «Раз в неделю старый генерал по долгу службы обходил все казематы и спрашивал заключенных, не имеют ли они каких-либо просьб. Заключенные обращались к нему с различными просьбами. Он выслушивал их спокойно, непроницаемо молча и никогда ничего не исполнял, потому что все просьбы были не согласны с законоположениями» (XIII, 274–275).

К этому-то живому мертвецу Нехлюдов обращался с просьбой о смягчении участи арестантов, но вскоре понял всю тщетность своей попытки: «Нехлюдов слушал его хриплый старческий голос, смотрел на эти окостеневшие члены, на потухшие глаза из-под седых бровей, на эти старческие бритые отвисшие скулы, подпертые военным воротником, на этот белый крест, которым гордился этот человек, особенно потому, что получил его за исключительно жестокое и многодушное убийство, и понимал, что возражать, объяснять ему значение его слов — бесполезно» (XIII, 278). Героя мутит от «смешанного чувства отвращения и жалости, которое он испытывал к этому ужасному старику» (XIII, 278).

Авторская позиция в отношении генерала Кригсмута более жесткая: «ему бы надо было признать себя не почтенным героем, достойно доживающим хорошую жизнь, а негодяем, продавшим и на старости лет продолжающим продавать свою совесть» (XIII, 278–279).

Подобен ему и вице-губернатор Масленников — «такой дремучий дурак», «это такая, с позволения сказать, дубина и вместе с тем хитрая скотина» — «несмотря на то, что исполнял самую нравственно грязную и постыдную должность, считал себя очень важным человеком» (XIII, 164; 195; 201). С его ведома и одобрения к заключенным применялись телесные наказания, несмотря на то, что официально в России они были к тому времени отменены.

Столь же мертвенно, отталкивающе выглядят сенаторы: «Сенаторов было четверо. Председательствующий Никитин, весь бритый человек с узким лицом и стальными глазами; Вольф, с значительно поджатыми губами и белыми ручками, которыми он перебирал листы дела; потом Сковородников, толстый, грузный, рябой человек, ученый юрист, и четвертый Бе, тот самый патриархальный старичок» (XIII, 281).

Адвокат Фанарин выставляет Нехлюдову грабительский счет за составление формалистичной кассационной жалобы для подачи в сенат. Однако сенат бездумно утверждает приговор окружного суда, не вникая в суть дела. Таковы установленные принципы судопроизводства в высших инстанциях. Накануне слушания сенатор Вольф «так строго внушал» Нехлюдову, что «сенат не может входить в рассмотрение дела по существу» (XIII, 282).

Сенаторы и товарищ обер-прокурора, выслушивая речь адвоката, «имели вид людей, скучающих и говоривших: “Слыхали мы много вашего брата, и все это ни к чему”» (XIII, 285). Рассмотрев одно дело в открытом заседании, они «намеревались <...> окончить остальные дела, в том числе масловское, за чаем и папиросами, не выходя из совещательной комнаты» (XIII, 282).

Представители высшей судебной власти — существа абсолютно беспринципные, безнравственные, безучастные. Более того, эти так называемые вершители правосудия — безбожники, лишённые религиозного чувства: «решение Нехлюдова жениться на этой девушке во имя нравственных требований было в высшей степени противно ему <сенатору. — **А. Н. -С.**>. Сковородников был материалист, дарвинист и считал всякие проявления отвлечённой нравственности или, ещё хуже, религиозности не только презренным безумием, но личным себе оскорблением. Вся эта возня с этой проституткой и присутствие здесь, в сенате, защищающего её знаменитого адвоката и самого Нехлюдова было ему в высшей степени противно. И он, засовывая себе в рот бороду и делая гримасы, очень натурально притворился, что он ничего не знает об этом деле, как только то, что поводы к кассации недостаточны, и потому согласен с председательствующим об оставлении жалобы без последствий. В жалобе было отказано» (XIII, 286).

Ни на одной ступени государственной машины, обязанной обеспечивать правопорядок, нельзя добиться восстановления попорченной справедливости. Это подтверждает опытный адвокат, со знанием дела наставляющий Нехлюдова: «А то сделают запрос в министерство юстиции, там ответят так, чтобы скорее с рук долой, то есть отказать, и ничего не выйдет. А вы постарайтесь добраться до высших чинов.

— До государя? — спросил Нехлюдов.

Адвокат засмеялся.

— Это уж наивысшая — высочайшая инстанция. А высшая — значит секретаря при комиссии прошений или заведующего» (XIII, 245–246).

Беспощадной критике, убийственным разоблачениям в романе «Воскресение» подвергаются власти не только светские, но и церковные, сама официальная церковь, которая стала прислужницей государства.

Так, Синод утверждает несправедливый приговор, вынесенный крестьянам-сектантам, за которых также ходатайствует Нехлюдов. «Дело состояло в том, что отпавших от Православия христиан увещевали, а потом отдали под суд, но суд оправдал их. Тогда архиерей с губернатором решили на основании незаконности брака разослать мужей, жен и детей в разные места ссылки. Вот эти-то отцы и жены и просили, чтобы их не разлучали» (XIII, 307).

С этой просьбой обращается Нехлюдов в Святейший правительствующий синод, который в царской России являлся высшим органом церковно-государственного управления. «Хотя он и не ожидал ничего хорошего от своей поездки, Нехлюдов все-таки <...> поехал к Топорову, к тому лицу, от которого зависело дело о сектантах» (XIII, 305).

Обер-прокурор духовного ведомства, как и высокопоставленные чиновники, представляющие светскую власть, такой же бездушный «живой труп» с «неподвижной маской бледного лица» (XIII, 307–308). Точно так же Топоров лишен духовно-нравственного чувства, сердца, сострадания к людям: «Нехлюдов, не садясь, смотрел сверху на этот узкий плешивый череп, на эту с толстыми синими жилами руку, быстро водящую пером, и удивлялся, зачем делает то, что он делает, и так озабоченно делает, этот ко всему, очевидно, равнодушный человек. Зачем?..» (XIII, 308)

Прообразом Топорова в романе «Воскресение» явился обер-прокурор Синода, ревностный охранитель режима К. П. Победоносцев. Толстой характеризовал его как «образцового злодея» в письме императору Николаю II в декабре 1900 года: «Вы, наверное, не знаете и одной тысячной тех ужасных, бесчеловечных, безбожных дел, которые творятся Вашим именем. <...> Из всех этих преступных дел самые гадкие и возмущающие душу всякого честного человека

это дела, творимые отвратительным, бессердечным, бессовестным советником Вашим по религиозным делам, злодеем, имя которого как образцового злодея перейдет в историю — Победоносцевым»⁶.

Толстой убежден в абсурдности самого существования Синода — этого псевдодуховного надзорного учреждения и, соответственно, должности его руководителя: «Должность, которую занимал Топоров, по назначению своему составляла внутреннее противоречие, не видеть которое мог только человек тупой и лишенный нравственного чувства. Топоров обладал обоими этими отрицательными свойствами. Противоречие, заключавшееся в занимаемой им должности, состояло в том, что назначение должности состояло в поддержании и защите внешними средствами, не исключая и насилия, той церкви, которая по своему же определению установлена Самим Богом и не может быть поколеблена ни вратами ада, ни какими бы то ни было человеческими усилиями. Это-то Божественное и ничем непоколебимое Божеское учреждение должно было поддерживать и защищать то человеческое учреждение, во главе которого стоял Топоров со своими чиновниками. Топоров не видел этого противоречия или не хотел его видеть, и потому очень серьезно был озабочен тем, чтобы какой-нибудь ксендз, пастор или сектант не разрушил ту церковь, которую не могут одолеть врата ада» (XIII, 305–306).

Обер-прокурор святейшего Синода в романе «Воскресение» схож с Великим инквизитором из романа Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881) «Братья Карамазовы» (1881). Инквизитор не верует в Бога, давно отрекся от Христа и только заманивает Его светлым образом народ, чтобы усмирять и держать в узде людей. Все они, по мнению инквизитора, «бунтовщики слабые, собственного бунта своего не выдерживающие»⁷. Заключив Христа в темницу, инквизитор признается Ему: «мы давно уже не с Тобою, а с ним», то есть с сатаной — с «духом самоуничтожения и небытия» (9, 290; 283). «Но мы скажем, что послушны Тебе и господствуем во имя Твое. Мы их обманем опять, ибо Тебя мы уж не пустим к себе» (9, 286).

Присвоив себе абсолютную власть, инквизитор обращает народ в покорное стадо, отнимает у людей дар свободы, с проповедью которой являлся на землю Христос: «Мы исправили подвиг Твой и основали его на чуде, тайне и авторитете. И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо» (9, 289).

ЧАСТЬ 3

*И познаете Истину, и Истина сделает вас свободными
(Ин. 8: 32).*

Держать народ в полном повиновении, во мраке невежества и суеверий, прикрываясь Божьим именем, — в этом должностные обязанности главы святейшего Синода безбожника Топорова: «Топоров, как и все люди, лишенные основного религиозного чувства, сознания равенства и братства людей, был вполне уверен, что народ состоит из существ совершенно других, чем он сам, и что для народа необходимо нужно то, без чего он очень хорошо может обходиться. Сам он в глубине души ни во что не верил и находил такое состояние очень удобным и приятным, но боялся, как бы народ не пришел в такое же состояние, и считал, как он говорил, священной своей обязанностью спасти от этого народ.

Так же как в одной поваренной книге говорится, что раки любят, чтоб их варили живыми, он вполне был убежден, и не в переносном смысле, как это выражение понималось в поваренной книге, а в прямом, — думал и говорил, что народ любит быть суеверным. <...> народ любит это и верит в это, и поэтому надо поддерживать эти суеверия.

Так думал Топоров, не соображая того, что ему казалось, что народ любит суеверия только потому, что всегда находились и теперь находятся такие жестокие люди, каков и был он, Топоров, которые, просветившись, употребляют свой свет не на то, на что они должны бы употреблять его, — на помощь выбивающемуся из мрака невежества народу, а только на то, чтобы закрепить его в нем» (XIII, 306).

Нехлюдов во время встречи с этим «инквизитором» недоумевает: «За что же эти люди страдали? <...> Но каким же образом во имя религии нарушаются самые первые требования добра — разлучаются семьи...» (XIII, 308)

Ханжа и лицемер Топоров мучения народа цинично объясняет «с государственной точки зрения» «интересами народами»: «Могу сказать только то, что интересы народа, охраняемые нами, так важны, что излишнее усердие к вопросам веры не так страшно и вредно, как распространяющееся теперь излишнее равнодушие к ним. <...> С точки зрения частного человека, это может представляться так, — сказал он, — но с государственной точки зрения представляется несколько иное» (XIII, 308).

Главному герою со всей очевидностью открылось «такое простое и ужасное объяснение» всей той вопиющей несправедливости, что творилась от имени государства и официальной церкви: «Нехлюдову с необыкновенной ясностью пришла мысль о том, что всех этих людей хватили, запирали или ссылали совсем не потому, что эти люди нарушали справедливость или совершали беззакония, а только потому, что они мешали чиновникам и богатым владеть тем богатством, которое они собирали с народа. <...> для того, чтобы вырезать гнилое, приходится захватить свежего, — устранялись посредством наказания десять безопасных для того, чтобы устранить одного истинно опасного. <...> все те слова о справедливости, добре, законе, вере, Боге и т. п. были только слова и прикрывали самую грубую корысть и жестокость» (XIII, 309).

«Совершаемое для утешения в назидания заблудших братьев» (XIII, 143) воскресное богослужение в острожной церкви Толстой во всех подробностях описывает как «кошунство» и «насмешку», антихристианское поправление евангельских заповедей Христа: «И никому из присутствующих, начиная с священника и зрителя и кончая Масловой, не приходило в голову, что Тот самый Иисус, имя Которого со свистом такое бесчисленное число раз повторял священник, всякими странными словами восхваляя Его, запретил именно все то, что делалось здесь; запретил не только такое бессмысленное многоглаголанье и кошунственное волхование священников-учителей над хлебом и вином, но самым определенным образом запретил одним людям называть учителями других людей, запретил молитвы в храмах, а велел молиться каждому в уединении, запретил самые храмы, сказав, что пришел разрушить их и что молиться надо не в храмах, а в духе и истине; главное же, запретил не только судить людей и держать их в заточении, мучить, позорить, казнить, как это делалось здесь, а запретил всякое насилие над людьми, сказав, что Он пришел выпустить плененных на свободу. Никому из присутствующих не приходило в голову того, что все, что совершалось здесь, было величайшим кошунством и насмешкой над Тем самым Христом, именем Которого все это делалось» (XIII, 143–144).

Христос предупреждал: *«Итак, по плодам их узнаете их. Не всякий, говорящий Мне: „Господи! Господи!“ — войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? <...> И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие»* (Мф. 7: 20–23).

Безбожное состояние человека и общества ведет их к безумию, духовно-нравственной и физической гибели. Писатель в своем дневнике утверждал: «Жестокий, зверский, оправдываемый людьми небратский склад жизни неизбежно приводит к признанию сумасшедшим себя или всего мира» (53, 129). Точно так же после всего пережитого размышляет Нехлюдов, следовавший за Катюшей в сибирскую каторгу: «В воображении его восстали эти запертые в зараженном воздухе сотни и тысячи опозоренных людей, запираемые равнодушными генералами, прокурорами, зрителями, вспоминался странный, обличающий начальство свободный старик, признаваемый сумасшедшим, и среди трупов прекрасное мертвое восковое лицо в озлоблении умершего Крыльцова. И прежний вопрос о том, он ли, Нехлюдов, сумасшедший, или сумасшедшие люди, считающие себя разумными и делающие все это, с новой силой восстал перед ним и требовал ответа» (XIII, 453).

Многие острокритические толстовские произведения не были допущены к печати в России. Однако они широко расходились в списках по всей стране. Людей, несущих недозволенное цензурой честное слово великого русского писателя, власти подвергали преследованию, арестам. Так, показателен случай с арестом студента Московского университета, филолога М. А. Новоселова, распространившего вместе с единомышленниками запрещенную толстовскую статью «Николай Палкин» (1887).

Статья была написана под впечатлением от рассказа 95-летнего бывшего солдата об истязаниях в армии во время царствования Николая I (Николая Павловича). Он был прозван Николаем Палкиным за введение в армии наказания шпицрутенами: провинившегося проводили сквозь строй и забивали палками — часто до смерти. Впоследствии Толстой создал на эту тему свой знаменитый потрясающий рассказ «После бала» (1903), в котором призывал отказаться от любой, какой бы то ни было службы таким безбожным, бесчеловечным властям — извергам и палачам.

Статья «Николай Палкин» завершается размышлением на тему евангельской заповеди Христа *«кесарево кесарю, а Божие Богу»* (Мф. 22: 21): «Если бы люди верили Богу, то они не могли бы не признавать этой первой обязанности к Нему, исполнять то, что Он написал в их сердце, то есть жалеть, любить, не убивать, не мучить своих братьев. И тогда слова: *кесарево кесарю, а Божье Богу* имели бы для них значение» (XVII, 227).

Цари земные в их безудержной алчности забирают у своих подданных все до последнего. У человека отнимается не только материальное, но и духовное — коверкается и уродуется святыня его души: «Царю или кому еще все, что хочешь, но только не Божие. Нужны кесарю мои деньги — бери; мой дом, мои труды — бери. Мою жену, моих детей, мою жизнь — бери; все это не Божие. <...> Но мы дошли до того, что слова: «Богу Божие» — для нас означают то, что Богу отдавать копеечные свечи, молебны, слова — вообще все, что никому, тем более Богу, не нужно, а все остальное, всю свою жизнь, всю святыню своей души, принадлежащую Богу, отдавать кесарю!» (XVII, 227).

Узнав об аресте Новоселова, Толстой лично явился к начальнику московского жандармского управления генералу Слѣзкину с требованием освободить студента и обратить преследование не на распространителей, а на автора

статьи. Жандармский генерал ответил Толстому: «Граф! Слава Ваша слишком велика, чтобы наши тюрьмы могли ее вместить»⁸.

Вскоре Новосёлов был выпущен из заточения, но оставлен под надзором полиции. Полицейский департамент направил жандармскому генералу Слёзкину предписание о том, что «никаких следственных действий» в отношении Толстого «принимать не следует» (XVII, 282).

Несмотря на то, что обличительный накал в художественных и публицистических произведениях Толстого с годами только возрастал, власти опасались применять ко всемирно известному писателю, автору романов «Война и мир» (1869), «Анна Каренина» (1877), «Воскресение» (1899) репрессивные меры. Московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков сообщал министру внутренних дел о Толстом: «Думаю, помимо высокого значения его таланта, что всякая репрессивная мера, принятая относительно графа Л. Толстого, окружит его ореолом страданий и тем будет наиболее содействовать распространению его мыслей и учения»⁹.

Но власти церковные не могли простить Толстому нападок на официальную церковь и учинили над ним свою расправу. В 1886 году духовное ведомство всерьез обсуждало вопрос о том, чтобы заточить писателя для «исправления» в Суздальский монастырь. В начале 1890-х годов в Синоде вырабатывалось постановление об отлучении Толстого от Церкви. Однако сразу осуществить это намерение церковники не решались. Обер-прокурор Синода Победоносцев был особенно озлоблен после выхода в свет романа «Воскресение», в котором узнал самого себя в образе Топорова.

20–22 февраля 1901 года было издано, 24 февраля опубликовано в «Церковных ведомостях» и затем перепечатано всеми газетами «Определение Св. Синода», в котором Толстого фактически отлучали от Православной Церкви. Однако говорилось об этом не прямо, а по-иезуитски коварно, завуалировано. Слово «отлучение» было заменено измышленной формулировкой «самоотторжение»: «Посему церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею»¹⁰.

Этот синодальный акт вызвал настоящую бурю возмущения в России и за рубежом. Тысячи людей выражали свою поддержку «величайшему и благороднейшему писателю нашего времени» (XVII, 279), солидарность с ним, осуждали политиканство, интриги, недостойную мышиную возню церковников вокруг Толстого.

Так, например, рабочие Мальцевского стекольного завода на глыбе зеленого стекла выгравировали крупными золотыми буквами: «Вы разделили участь многих великих людей, идущих впереди своего века, глубокочтимый Лев Николаевич. И раньше их жгли на кострах, гноили в тюрьмах и ссылке. Пусть отлучают Вас как хотят и от чего хотят фарисеи — первосвященники. Русские люди всегда будут гордиться, считая Вас своим великим, дорогим, любимым» (XVII, 279).

Фарисеи напоминали лилипутов, стремящихся опутать великана своими липкими паутинными нитями, пытающихся заглушить его честный мощный голос своим нечестивым писком. Задача высшего духовенства состояла не столько в том, чтобы «образумить» Толстого, сколько дискредитировать писателя — заступника за измученный народ — в глазах самого же этого народа и помешать широкому распространению толстовских идей. Некоторые поверили синодальному определению и обвинили Толстого в «безбожии».

Писатель, вначале с полным безразличием воспринявший документ Синода, поскольку считал его органом, не имеющим никакого отношения к христианской вере, спустя месяц выступил с пространном «Ответом на определение

Синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма» (1901), чтобы прояснить свою религиозную позицию — прежде всего тем, кто был введен в заблуждение Синодом: определение «представляет из себя то, что на юридическом языке называется клеветой, так как в нем заключаются заведомо несправедливые и клонящиеся к моему вреду утверждения.

Оно есть, наконец, подстрекательство к дурным чувствам и поступкам, так как вызвало, как и должно было ожидать, в людях непросвещенных и нерассуждающих озлобление и ненависть ко мне, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых мною письмах. «Теперь ты предан анафеме и пойдешь по смерти в вечное мучение и издохнешь как собака... анафема ты, старый черт... проклят будь», — пишет один» (XVII, 200). Писатель разъярялся таким людям: «То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо. Но отрекся я от нее не потому, что я восстал на Господа, а напротив, только потому, что всеми силами души желал служить Ему <...> весь смысл жизни вижу только в исполнении воли Бога, выраженной в христианском учении <...> И если когда какой человек попытается напомнить людям то, что не в этих волхвованиях, не в молебнах, обеднях, свечах, иконах — учение Христа, а в том, чтобы люди любили друг друга, не платили злом за зло, не судили, не убивали друг друга, то поднимется стон негодования тех, которым выгодны эти обманы» (XVII, 201–204).

Властителям же земным в лице министра юстиции и министра внутренних дел Толстой подтверждал: «Я вперед заявляю, что буду продолжать до самой смерти делать то дело, которое правительство считает преступлением, а я считаю своей священной перед Богом обязанностью»¹¹.

Толстой не отрекался от своих взглядов, сохранял верность своим принципам и убеждениям: «Во имя того Бога, которым я живу, и того учения Христа, которое дало жизнь мне и может дать ее всем людям» (XVII, 205). Писатель служил Богу и Истине — по апостольским заповедям: «*Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово Истины*» (2 Тим. 2: 15); «*в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите*» (Рим. 12: 11).

Толстой призывал к духовно-нравственному обновлению человека и мира; свято верил, что если душа в человеке жива, то «живой человек всегда может родиться, семя прорасти» (53, 192). В философском трактате «**О жизни**» (1888) развивается толстовское учение о жизни истинной: «Истинная жизнь всегда хранится в человеке, как она хранится в зерне, и наступает время, когда жизнь эта обнаруживается» (XVII, 40). В дневнике Толстой записал: «Жить для себя одного нельзя. Это смерть» (50, 195). Истинная жизнь — в любви к Богу и ближнему. Такая любовь способна победить индивидуальное и социальное зло, истинная жизнь должна восторжествовать над смертью в Воскресении. Именно в этом вершинный смысл последнего романа Толстого.

В дни весеннего пробуждения и близящегося обновления природы, 22 марта 1897 года, в письме крестьянскому писателю С. Т. Семёнову Лев Николаевич Толстой оставил замечательный завет, адресованный и всем нам. Это неугасимое стремление к свету, к возрождению новой жизни в Истине, которое перекликается с вешней увертюрой к роману «Воскресение»: «Уж как крепок лед и как скрыта земля снегом, а придет весна, и все рушится. Так и тот, застывший, как будто и не движущийся строй жизни, который сковал нас. Но это только кажется. Я вижу уже, как он стал внутренне слаб, и лучам солнца, и всем нам, по мере ясности отражающим эти лучи, надо не уставать отражать их и не унывать. Я так больше радуюсь, чем унываю. Делайте то же и вы» (XIX, 396).

Примечания

1. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 томах. — Т. 50. — С. 195. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением томов и страниц арабскими цифрами.
2. Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22-х т. — Т. 17. — С. 203. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением томов римскими цифрами, страниц — арабскими цифрами.
3. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. — Письма. — Т. 13. — Кн. 2. — Л., 1968. — С. 89.
4. Там же. — С. 133–134.
5. Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. — Л., 1965. — С. 292.
6. Цит. по: Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. — М.; Пг., 1923. — С. 15–16.
7. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. — Л.: Наука, 1988–1996. — Т. 9. — С. 289. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением томов и страниц арабскими цифрами.
8. Никифоров Л. П. Воспоминания о Л. Н. Толстом//Л. Н. Толстой. Юбилейный сборник. — М.; Л., 1928. — С. 220.
9. Цит. по: Богданов А. П. Перо и крест. — М., 1990. — С. 437.
10. Там же. — С. 443.
11. Цит. по: Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. — М., 1973. — С. 355.

Фёдор МАЛЬЦЕВ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК ИОСИФА РУХОВИЧА

Книга Иосифа Руховича «Почему велик русский язык» (М.: Вест-Консалтинг, 2026) не является, строго говоря, научной работой. Подзаголовок точен — размышления писателя. И размышляет автор скорее на художественном языке, чем на языке науки. Однако поднятые темы и затронутые вопросы настолько неожиданны и глубоки, что совершенно необходимо эту книгу проанализировать.

Основная тема — язык. Автор приводит слова Ноама Хомского, сказанные еще в середине двадцатого века, но остающиеся острозлободневными до сих пор: *«Одна из трудностей, стоящих перед исследователем в области психологических наук, состоит в привычности явлений, с которыми имеют дело эти науки. Требуется определенное интеллектуальное усилие для того, чтобы понять, каким образом эти явления могут ставить серьезные проблемы или нуждаться в сложных теориях для своего объяснения»*. Иосиф Рухович сделал трудное, но назревшее интеллектуальное усилие и изложил свои взгляды на язык с обманчивой легкостью в виде художественного эссе. Да так, что и не сразу поймешь, о каких сложнейших вещах идет речь. Однако проблематика обозначена точно. Книга рассчитана на широкий круг чтения, но и профессиональным научным работникам от нее не отмахнуться.

Весьма примечательно внимание автора к трактату «Что такое искусство?» Льва Николаевича Толстого.

Собрав несколько десятков определений искусства от самых выдающихся умов, включая самого себя, Толстой так и не смог ответить на вопрос заголовка трактата. Толстой считал это неудачей и обрушивался на само искусство. А вот Иосиф Рухович считает это замечательным открытием, мимо которого Лев Николаевич прошел. В самом деле, если самым зрелым умам человечества на протяжении тысячелетий не удается дать четкое логичное и однозначное определение, так может быть его и не существует? Конечно, количество еще не доказательство, но прошло уже более ста лет, а ответа все нет и нет. Казалось бы, вывод лежит на поверхности, однако до Иосифа Руховича его никто так и не сделал.

Автор идет дальше. Он считает, что «искусство», «красота», «гармония» и другие эстетические категории, как и само понятие «язык», не принадлежат первичному коммуникативному языку, но принадлежат художественному.

Самое время подойти к основной разработке книги — к художественному языку.

Прежде всего, автор разделяет язык на принятые в филологии части — первичный коммуникативный разговорный язык; искусственный язык науки; вторичный художественный язык, как бы надстраивающийся над первыми двумя и обретающий множественные смыслы. Дается собственное определение

художественному языку — исходя из функций художественного текста. При этом автор не ссылается на существующие определения как не имеющие ничего общего с предлагаемой им концепцией. Кроме того, следует обратить внимание на скромный стиль изложения без выпячивания собственного вклада. Иногда даже создается впечатление, что речь идет об известных научных положениях.

Однако привести хотя бы самые распространенные дефиниции необходимо для осознания новизны предлагаемого.

Вот цитата из Википедии: *«Художественный язык — это искусственный язык, созданный для эстетического и фонетического удовольствия»*.

В этом определении поражает не только «эстетическое и фонетическое удовольствие», но и определение «искусственный». То есть язык, на котором мы говорим и пишем, является неестественным.

В пику этому мало что объясняющем определению Иосиф Рухович дает конструктивное рабочее определение, основанное на динамическом взаимодействии всех составляющих языка — от отдельных звуков до целых произведений. При создании текстов и восприятии подключаются составляющие психики человека — образование, объем прочитанного, переживания, жизненный опыт, характер, ум и так далее. То есть язык всеобщ и в тоже время индивидуален. Такой подход позволяет осознать, что означает прочесть произведение, и что нужно всю жизнь овладевать художественным языком. Недаром в статье приводятся слова Гёте о том, что он более восьмидесяти лет пытался овладеть художественным языком, и не смог сказать, что преуспел.

Необходимо заметить, автор сторонник теорий и гипотез (Бенджамин Уорф, Ноам Хомский и другие), что основой мышления человека является именно художественный язык, и разделяет мнение философа Людвиг Витгенштейна: *«Границы моего языка означают границы моего мира»*. Откуда следует однозначный вывод — чем более развит язык, тем обширнее мир и качественнее мышление человека. Эта мысль давно не давала Иосифу Руховичу покоя, и он даже выступил однажды со статьей «Нечтение — угроза национальной безопасности».

Концепция художественного языка и его определение намечают решения многих гуманитарных проблем, оставляемых в стороне в связи с неразрешимостью или потоком маловразумительных слов. Но, как справедливо отмечает автор, требуется значительный объем исследований. На данном этапе обозначается четкий материальный объект исследований — художественный язык.

Понятие «художественный язык» существует столько же, сколько искусство. Многие серьезные умы — художники и исследователи — вплотную подходили к пониманию художественного языка как всеобщего *человеческого*. Автор подчеркивает, что первичным коммуникативным языком Творец наградил все живое вплоть до растений. Разница — количественная. А вот художественным языком владеет только человек. Но признанию его как письменного и разговорного мешали неоднозначность и склонность науки изъясняться на однозначных языках — первичном и искусственном. Очень показательна в этом отношении попытка Л. Н. Толстого. Человечество уперлось в порог и не находило силы его переступить. Так Иосиф Бродский объявил язык поэзии высшей формой речи. Прекрасно! Но какой именно речи — не указал.

В споре с великим мыслителем Гегелем, предрекавшим гибель искусства, показательно определение Ю. М. Лотмана: «Искусство является великолепно организованным генератором языков особого типа, которые оказывают человечеству незаменимую услугу, обслуживая одну из самых сложных

и не до конца еще ясных по своему механизму сторон человеческого знания». Великолепно! Но о каких именно языках идет речь не разъясняется.

Продолжая мысль Ю. М. Лотмана, И. Рухович переступает, наконец, порог и определяет «не до конца еще ясный» механизм человеческого знания художественным языком, общечеловеческим, а не только языком искусства. Что касается неясности механизмов воздействия, то автор предлагает заняться дальнейшими исследованиями, хотя уже на данном этапе многое становится понятным.

Надо полагать, что наибольшие затруднения и споры возникнут при рассмотрении первичного или, проще говоря, разговорного языка как художественного. Многотысячелетняя привычка разделять язык на художественный, то есть язык искусства, и на обычный разговорный будет весьма трудно преодолеваться. И. Рухович показал, что эти языки находятся в диалектическом взаимодействии и друг без друга не существуют. Конечно, каждый имеет отличия и особенности, но факт художественности теперь уже, после рассматриваемой работы, отбрасывать никак нельзя. И следует признать, что развивается художественный язык не только художниками и специалистами, но и народом как основным носителем своего языка.

Нельзя не отметить основную трудность в восприятии предлагаемой концепции языка: подключение к сознательным актам чувственной стороны человека, то есть подсознания. Следует признать, возвращаясь к высказыванию Ноама Хомского, что психологические науки всегда испытывали трудности при привлечении субъективного к объективному анализу. А то, что у каждого человека свое субъективное понимание художественного языка, в работе И. Руховича неоднократно подчеркивается. Игнорировать этот симбиоз уже никак нельзя. Тем более что психология как наука шагнула далеко вперед, и ей пора вторгнуться в понимание художественной письменной и устной речи.

В работе также предлагается усилить анализ объективной стороны художественности математическими методами с привлечением теорий симметрии, пропорций, золотого сечения. Не отвергает автор прямого включения в текст даже уравнений.

Здесь следует подчеркнуть одно из основных положений предлагаемой концепции — художественный язык включает в себя и первичный, и искусственный языки. А вот обратное совершенно исключается.

Принятие предлагаемой концепции предполагает многочисленные следствия и идеи. Прежде всего, становится ясным, что в восприятии учитывается не только написанное и высказанное, но и ненаписанное, неслезанное. То есть художественный язык несет множество, если не бесконечное количество, смыслов. Образно говоря, на каждом квадратном миллиметре текста записывается такое количество информации, что воспринять ее адекватно не всегда реально. Значительно возрастает роль читателя.

Возникает возможность в какой-то мере ответить на вечный вопрос — зачем искусство. Бытующее представление о «духовном развитии человека» прекрасно, но что это такое не совсем ясно. Или такой постулат: при соприкосновении с искусством человек становится лучше. Это безусловно, но что такое лучше? Ответы утопают в бесконечных определениях и просто в словесах. Иосиф Рухович считает, что поскольку многозначный художественный язык есть основа человеческого мышления, то чем обширнее и образнее язык, тем качественнее мышление. Проще говоря, прикосновение к искусству делает человека и даже целые народы значительно умнее. А это уже нечто материальное. Автор книги делает предположение, что подъему экономики предшествует

и сопутствует взлет искусства. Впрочем, этот вопрос еще надо досконально исследовать.

Иосиф Бродский высказал блестящую мысль о том, что люди и целые народы, не читающие стихов, становятся легкой добычей тиранов и демагогов. То есть просто-напросто тупеют, что мы и видим на примере отдельных стран и элит. Но, повторяю, все это требует тщательных исследований.

В статьях книги, посвященных как общим философским вопросам, так и отдельным авторам художественных произведений, высказано много достаточно оригинальных мыслей и идей, но на данный момент нам показалось необходимым определиться с главной идеей книги — с художественным языком. Ко всему остальному мы еще вернемся и не раз.

Сейчас важно чтобы гуманитарная общественность обратила внимание на эту неожиданную и глубокую книгу и не замолчала ее.

В книге Иосиф Рухович не отвечает прямо на вопрос — почему велик русский язык. Но совершенно очевидно, что он, как и Владимир Набоков, считает русский художественный язык самым богатым языком мира. И пытается обосновать это максимально тщательным образом. Хочется присоединиться к призыву автора: «За работу, господа ученые!»

УСЛЫШАННОЕ ДВУХГОЛОСИЕ

Отклик на книги:

Елена Павлова «Мираж»

(Москва, изд. «Вест-Консалтинг», 2024)

и Ирена Санс «Октавианский канон»

(Москва, изд. «Вест-Консалтинг», 2026)

Авторский художественный текст на определенном этапе своего существования превращается в текст, воспринятый читателем, эти тексты связаны друг с другом, но при этом обязательно отличаются в силу индивидуальных особенностей каждого человека.

Подчеркивая важную, активную роль читателя в существовании текста, Иосиф Бродский в Нобелевской речи, произнесенной 10 декабря 1987 года, сравнивает читателя с музыкантом-исполнителем, а не с пассивным слушателем музыки: «Существование литературы подразумевает существование на уровне литературы — и не только нравственно, но и лексически. Если музыкальное произведение еще оставляет человеку возможность выбора между пассивной ролью слушателя и активной исполнителя, произведение литературы — искусства, по выражению Монтале, безнадежно семантического — обрекает его на роль только исполнителя. В этой роли человеку выступать, мне кажется, следовало бы чаще, чем в какой-либо иной. Более того, мне кажется, что роль эта в результате популяционного взрыва и связанной с ним все возрастающей атомизацией общества, т. е. со все возрастающей изоляцией индивидуума, становится все более неизбежной».

Записанный текст до встречи с читателем абсолютно беззвучен, но при чтении (даже если не произносишь ни звука) каким-то образом доносит до читателя авторский голос. А если читать одновременно двух авторов, то начинаешь слышать двухголосие. Звуковой и смысловой диалог книг, читаемых одновременно, почти неизбежен. Но далеко не всегда диалог этот глубок и обширен. Почему одно перекликается с другим, одно порождает другое? Взаимосвязь семантическая? Синергия чувств? Схожесть интонаций? Задумываясь над этими вопросами, вдруг понимаешь: совместный анализ текстов, параллельное их понимание приводят к интересным пересечениям, к неожиданным межтекстовым связям. Поэтические тексты многослойны, что создает витиеватость их переплетения, а порой недосказанность одного стихотворения восполняется другим. И это возможно даже при отсутствии явных признаков интертекстуальности. Поэтические тексты взаимодействуют, как птичий переклик, как трав горячий шепот, как тихий разговор, не связанный ни с чем...

Стихотворения Елены Павловой и Ирены Санс для меня сложились в такое двухголосие, где на первый план выходит то понимание, то переживание, а порой они уравнивают друг

друга, исходя от разных авторов. И это двухголосие складывается, несмотря на стилистические и семантические различия. Для обеих поэтесс характерно стилистически значимое использование звукового состава языка в поэтическом тексте для усиления смысловой выразительности. Произведения обеих поэтесс исповедальны, лиричны, философичны. Создается ощущение неиссякаемости диалога мысли и чувства.

Можно отметить разную поэтику произведений Ирены и Елены: есть отличия в ритмике, в звуковой организации, метрики, строфики, отличается стилистика (особенности лексики, синтаксиса). Но интересно проследить сходство в образном строе поэтических текстов (мотивы, образы, сюжеты).

Полет, как состояние души поэта, стараются выразить обе поэтессы.

Ирена Санс:

«Никуда не спешу
не бегу
я лишь только летаю
мое тело в пространстве души
на эфирных волнах отдыхает
утоляю я жажду звучанием струн-переливов
как нектар для души эти сладостные мотивы
и в тональности счастья
я дышу этим воздухом — ветром
проникает в глубины
освежает биение сердца»

Образ полета поддерживается обозначением пространства души, которое, разумеется, безгранично, эфирными и звуковыми волнами, ветром, и полет становится синонимом жизни, поскольку именно он обеспечивает биение сердца.

У Елены Павловой размышления на тему полета поэтической фантазии, полета души представлены не свободным стихом, а рифмованным (песней), но тема бесконечного свободного пространства, свободы передвижения тоже ярко выражена:

«Я развязала все узлы и стала легкой,
Внизу февральские цветы плетет поземка.
Я поднимаюсь над землей до небосвода,
И бесконечность надо мной я пью, как воду».

— — —

«Без притяженья груза лет ушла тревога,
От самолета белый след теперь дорога.
Звук уходящих городов все тише... тише...
Иду по перьям облаков все выше... выше».

Тема неспешности, несуетности существования, прозвучавшая у Ирены, продолжается размышлениями Елены о свободе от быта, от приземленности. Образный ряд Ирены касается внутреннего, подсознательного состояния поэта, а у Елены — акцент на образы окружающего пространства.

Осознание своего места в этом огромном мире, в жизни — необходимый этап становления, взросления человека, а писатель свои мысли и чувства о важном стремится выразить словами. О чувствах получается сказать кратко, но читателю остается больше вариантов толкования текста при отсутствии многообразности. Ирена Санс:

«я в этот мир пришла для судьбоносных встреч
как лист последний с дерева слетает
и обнаженную нам оставляет ветвь
листвой окутанных воспоминаний»

Размышления Елены Павловой на эту же тему подробнее и образнее, конкретнее, и даже звучат императивнее, получилось четыре катрена стихотворения «В этом мире»:

«Мы придем, как вселенские дети,
Первый крик, первый вдох на рассвете,
Сотворение яви и прави.
В этом мире — все правы...

Мы уйдем, не прощаясь, как боги,
Одеваясь в прозрачные тоги,
Не обижены и не сердиты.
В этом мире все квиты...

Мы придем и уйдем, как метели,
Забирая с собой, что успели,
Ноты боли, мелодию смеха.
В этом мире — все эхо...

С метки старта до ленты финала,
От конца возвращаясь к началу
За секунду рекорда спортсмена.
В этом мире — все бренно...»

Метафора выбора способа существования в этом мире для Ирены — «быть или деревом, или птицей». Конечно, есть мысли о доме, но важнее крылья. Поэтический взгляд Ирены почти не задерживается в прошедшем. У Елены чувствуется ностальгия по минувшему, оглядка в прошлое способна принести успокоение:

«В час сумерек обложка дневника —
Мое успокоительное средство».

И, конечно же, Елена Павлова не могла не поддержать поэтическое осмысление образа птицы, осваивающей две стихии (земную и небесную), об этом, например, стихотворение «Вместе»:

«полет птицы
продлевает взгляд
голос повторяет мой крик
наши сердца стучат в унисон
я превращаюсь в птицу
птица превращается в меня
и мы вместе уходим
от одиночества
смерти нет»

Ирена Санс:

«училась летать у птиц
у ветра училась дышать
у воды училась идти
наблюдая за жизнью... — так
мир являл свои грани мне
я учусь у себя быть
бог со мной разделил суть
благодарна за все всем»

В сущности, поэт тоже балансирует между бытом и бытием, стремится к преодолению земного притяжения и не может окончательно оторваться от реального мира — его опор и оков.

Обе поэтессы едины в трепетном отношении к природе. Единение с природой — счастливое, желанное состояние, способствующее познанию себя и окружающего мира — как живого, так и неживого.

Елена Павлова:

«и пульс Земли созвучен с пульсом вен,
и так же, как и я, лежит на дрейфе
забытой лодки маленький ковчег...

Елена Павлова предлагает «не говорить, а только созерцать — / прямая горизонта не линейна».

Ирена Санс пишет в унисон:
«смотреть в даль, где морской горизонт
сливается с небом
слушать пение диковинных птиц

не это ли счастье?»

И я соглашаюсь в определении счастья с обеими поэтессами и переживаю счастливые моменты чтения обеих книг, так неожиданно вступивших в моем воображении в диалог и зазвучавших двумя поэтическими голосами.

Елена ТКАЧЕВСКАЯ

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Фёдор Мальцев — литературный критик, поэт. Родился в 1962 году в Москве. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова. Заместитель главного редактора газеты «Литературные известия». Печатался в журналах «Дети Ра», «Литературная учеба», «Футурум АРТ», в «Литературной газете» и во многих других изданиях.

Владимир Николаев — прозаик. Живет и работает в Москве. Член Союза писателей XXI века.

Юрий Поляков — известный русский писатель. Родился в 1954 году в Москве. Окончил литфак Московского областного пединститута имени Н. К. Крупской. Кандидат филологических наук (1981). Как поэт дебютировал в 1974 г. в «Московском комсомольце». Первая книга «Время прибытия. Стихи» вышла в 1980 г. в издательстве «Молодая гвардия». В 1981-м принят в Союз писателей СССР. В 1985-м с выходом в журнале «Юность» повести «ЧП районного масштаба» получает широкую известность как прозаик. Почти все его новые повести и романы становились бестселлерами: «Сто дней до приказа» (1980–87), «Работа над ошибками» (1986), «Апофегей» (1989), «Парижская любовь Кости Гуманкова» (1991), «Демгородок» (1993), «Козленок в молоке» (1995), «Небо падших» (1998), «Замыслил я побег...» (1999), «Грибной царь» (2004), «Гипсовый трубоч» (2008–2012), «Любовь в эпоху перемен» (2015), «Веселая жизнь» (2019), «Совдетство» (2021–2025).

Юрий Поляков известен также как драматург, чьи пьесы широко идут в театрах России и за рубежом. По его произведениям снято 11 фильмов. Соавтор сценария фильма «Ворошиловский стрелок» Станислава Говорухина.

С 2001 по 2017 год возглавлял «Литературную газету». Выпустил ряд книг публицистики: «От империи лжи — к республике вранья», «Государственная недостаточность», «Россия в откате», «Лезгинка на лобном месте», «Перелетная элита», «Раздрапируйте Мавзолей» и др.

Лауреат многих премий. Среди них: Ленинского комсомола (1986), Государственная премия РФ (2024), «Слово» (2025, 2026).

Алексей Розенберг — прозаик. Родился в 1976 году в России, живет в Израиле и Грузии. Автор рассказов, литературных циклов, зарисовок, сценариев, стихов. Жанры: сатира, юмор, абсурд, научная фантастика, литературная сказка. Автор нескольких печатных и электронных прозаических сборников.

Иосиф Рухович — поэт, прозаик, литературовед. Член Союза писателей XXI века с 2024 года. Живет в поселке Томилино (Московская область).

Евгений Степанов — поэт, прозаик, политолог, публицист, бард, издатель, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов,

вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зарубежные записки», «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ» и координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева» и «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

Алла Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, историк литературы.

Елена Ткачевская — поэт. Член СП XXI века, кандидат химических наук, доцент, участник ЛИТО Центрального Дома ученых РАН, член литературного клуба ЦДЛ «Московитянка», Содружества Современных Литераторов, автор нескольких книг стихов, публикаций в литературных газетах, журналах и альманахах.

Тираж 50 экз.